

0- 777745

На правах рукописи

КАЛИНИНА ЛЮДМИЛА ВИКТОРОВНА

**ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ РАЗРЯДЫ
ИМЁН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ
КАК ПЕРЕСЕКАЮЩИЕСЯ КЛАССЫ СЛОВ
(когнитивно-семаснологический анализ)**

Специальность 10.02.01 – Русский язык

Автореферат

диссертации на соискание учёной степени
доктора филологических наук

Киров – 2009

Работа выполнена в ГОУ ВПО
«Вятский государственный гуманитарный университет»

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Бочина Татьяна Геннадьевна,
ГОУ ВПО «Татарский государственный
гуманитарно-педагогический университет»

доктор филологических наук, доцент
Лагузова Евгения Николаевна,
ГОУ ВПО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

доктор филологических наук, профессор
Леденёва Валентина Васильевна,
ГОУ ВПО «Московский государственный
областной университет»

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского»

Защита диссертации состоится 30 июня 2009 г. в 11 часов на
заседании диссертационного совета Д 212.041.04 при ГОУ ВПО «Вятский
государственный гуманитарный университет» по адресу: 610002, г. Киров,
ул. Красноармейская, 26, ауд. 104.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Вятского
государственного гуманитарного университета.

Автореферат разослан «23» апреля 2009 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000547870

Учёный секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук,
доцент

К. С. Лицарева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Вопросы о принципах классификации частей речи, об их количестве в языке, о группировках слов, выделяемых внутри той или иной части речи, об особенностях их семантики и функционирования были и остаются во многом дискуссионными, связанными с решением крупных лингвистических проблем [ср., напр.: *Бабайцева В. В.* Явления переходности в грамматике русского языка. М., 2000; *Баудер А. Я.* Части речи как структурно-семантические классы слов в современном русском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1983; *Жирмунский В. М.* О природе частей речи и их классификации // *Вопросы теории частей речи: (На материале языков различных типов)*. Л., 1968; *Клобуков Е. В.* Теоретические основы изучения морфологических категорий русского языка: (Морфологические категории в системе языка и в дискурсе): дис. ... д-ра филол. наук. М., 1995; *Кубрякова Е. С.* Когнитивный взгляд на природу частей речи // *Словарь. Грамматика. Текст*. М., 1996. С. 218–224; *Плунгян В. А.* Общая морфология. Введение в проблематику. М., 2000; *Щерба Л. В.* О частях речи в русском языке // *Щерба Л. В.* Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. 63–84 и др.]. В реферируемом диссертационном исследовании предлагается решение одной из таких проблем – проблемы взаимодействия лексико-грамматических разрядов слов в рамках определённой части речи.

Актуальность предпринятого исследования обусловлена тем, что в настоящее время в лингвистической науке активно изучаются разного рода «аномальные» и переходные явления на всех уровнях языка [ср., напр.: *Высоцкая И. В.* Между полисемией и омонимией // *Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект*. Владимир, 2007. С. 72–74; *Лекант П. А.* Переходные явления в системе частей речи // *Лекант П. А.* Очерки по грамматике русского языка. М., 2002. С. 17–23; *Переходные явления в области лексики и фразеологии русского и других славянских языков* (Вторые Жуковские чтения). Великий Новгород, 2001; *Радбиль Т. Б.* Грамматические инновации в современной русской речи как «точки роста новых явлений» // *Активные процессы в современной грамматике*. М., 2008. С. 222–226; *Русская глагольная лексика: пересекаемость парадигм*. Екатеринбург, 1997; *Шмелёв А. Д.* Лексические изменения как показатель сдвига в языковой картине мира // *Активные процессы в современной лексике и фразеологии*. М., 2007. С. 250–256 и др.]. Между тем взаимодействие группировок слов (лексико-грамматических разрядов) внутри той или иной части речи является ещё недостаточно изученным. Не охарактеризованы в полной мере причины этого процесса, не получены целостного описания условия его протекания, не выявлены конкретные модели лексико-грамматических пересечений. В настоящей работе эти проблемы, находящиеся в русле активных поисков современной лингвистики, решаются на материале фактов современного русского языка.

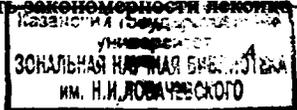
Объектом исследования в настоящей диссертации являются единицы лексико-грамматического уровня языка: *словоформа* как «форма или одна из форм конкретного слова, способная стать элементом речи (текста)» [Васильев Л. М. Современная лингвистическая семантика. М., 1990. С. 33] и *лексема* как «класс (парадигма) словоформ, идентичных по лексическому значению и принадлежащих к одной и той же части речи, т. е. тождественных по своей синтаксической функции, по частеречному значению» [Там же]. Данные языковые единицы рассматриваются как репрезентирующие части речи, их семантические и грамматические особенности.

Предметом характеристики являются лексико-грамматические разряды существительных, а именно – существительные конкретные (*дом, дерево, сосед*), абстрактные (*жизнь, политика, понимание*), вещественные (*изюм, золото, сметана*) и собирательные (*профессура, молодежь, листья*). Эти разряды описываются в диссертации с учётом традиционных представлений о них, сложившихся на протяжении XX века, а также на основе достижений современной лингвистической теории.

В центре внимания находятся случаи, в которых имени существительному трудно дать однозначную лексико-грамматическую характеристику. Например, существительные изначально сложной семантики типа *арахис, геркулес, изюм, миндаль, чернослив* и т. п. относят то к собирательным, то к вещественным; существительные типа *архаика, бредятина, полицейщина, цензура* совмещают в себе абстрактный и собирательный оттенки значения. Лексико-семантические варианты многозначных слов нередко принадлежат к разным лексико-грамматическим разрядам: *бюрократия, прислуга, профессура, скотина, старина, студенчество, табак* и др. Обычно лексико-грамматическое значение таких слов проясняется с помощью контекста. Бывает и так, что контекст изменяет и усложняет исходную лексико-грамматическую характеристику имени существительного. Ср.: *Всего человечества в нашей деревне сто девяносто душ. Живут у нас только Пудиковы да Петраковы* (В. Пьецух. Освобождение) – собирательное существительное *человечество*, обозначающее весь человеческий род, в данном высказывании приобретает конкретный смысл ‘люди’, ‘жители’. Характерной чертой современной речи является употребление плюралных форм неисчисляемых существительных (*ахинеи, банкротства, бизнесы, вредности, гнусы, гололёды, клеи, лепеты, наследства, реальности, риски, целлюлиты, экономики, элиты* и мн. др.).

Все подобные случаи представляют собой примеры семантического и грамматического взаимодействия в сфере лексико-грамматических разрядов имён существительных.

Цель исследования состоит в том, чтобы дать целостный анализ семантических и грамматических особенностей конкретных, абстрактных, вещественных и собирательных существительных с позиций системно-функционального и когнитивного подходов и на этой основе охарактеризовать закономерности лексико-грамматических пересечений слов

данных разрядов, принадлежащих языку как своеобразной синергетической (то есть самоорганизующейся) системе, в которой мы постоянно наблюдаем «возникновение новых свойств у целого, состоящего из взаимодействующих объектов» [Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Основания синергетики. М., 2006. С. 6].

В соответствии с поставленной целью необходимо решить следующие задачи:

1. Определить границы понятия «лексико-грамматический разряд», отграничив его от близких, но не тождественных понятий (лексико-грамматический класс, грамматическая категория и др.).

2. Проанализировать существующие в науке подходы к выделению конкретных, абстрактных, вещественных и собирательных имён существительных и выявить недостаточно разработанные участки этой классификации.

3. Рассмотреть конкретные, абстрактные, вещественные и собирательные существительные с точки зрения когнитивного подхода, установить роль каждого из названных лексико-грамматических разрядов имён существительных в языковом отражении действительности.

4. Охарактеризовать факторы, обуславливающие наличие лексико-грамматических пересечений в сфере рассматриваемых разрядов имён существительных.

5. Разработать методику определения лексико-грамматической природы существительного в переходных случаях.

6. Представить описание центральных и периферийных направлений лексико-грамматических пересечений в сфере конкретных, абстрактных, вещественных и собирательных имён существительных.

7. Выявить конкретные модели лексико-грамматических пересечений в сфере указанных разрядов имён существительных.

Материалом исследования явились свыше 12000 контекстов употребления имён существительных, из которых около 4000 содержат случаи стандартного употребления субстантивных имён, а более 8000 – случаи лексико-грамматических пересечений. Материал извлекался из художественной литературы конца XIX – начала XXI вв. и публицистических текстов рубежа XX–XXI вв.

Методы исследования. При работе над диссертацией применительно к языковому материалу использовались прежде всего общенаучные методы (наблюдение, эксперимент, индукция, дедукция, анализ, синтез, моделирование, интерпретация). Исследование в целом построено на основе описательного метода. Этот метод характеризуется как «система исследовательских приёмов, применяемых для характеристики явлений языка на данном этапе его развития; это метод синхронного анализа» [Кодухов В. И. Общее языкознание. М., 1974. С. 219]. В рамках описательного метода языковые факты характеризовались с опорой как на собственно лингвистические методы (компонентный анализ, контекстологический анализ), так и на экстралингвистические методы:

психолингвистический (выявлялись ассоциативные связи между единицами языка путём опроса информантов), а также количественно-статистический метод.

Исследование отличается значительной степенью новизны. В работе впервые лексико-грамматические разряды существительных (имена конкретные, абстрактные, вещественные и собирательные) описываются с точки зрения когнитивного подхода и характеризуются как средство языковой категоризации объектов действительности. Лексико-грамматические пересечения в сфере указанных разрядов впервые объясняются с позиций когнитивной лингвистики как проявления перекатегоризации или поликатегоризации языковых единиц. Предложена специальная терминология для описания центральных и периферийных направлений лексико-грамматического взаимодействия конкретных, абстрактных, вещественных и собирательных существительных. Разработана методика определения лексико-грамматической принадлежности имён существительных в переходных случаях. Выявлены и охарактеризованы 24 модели лексико-грамматических пересечений в сфере рассматриваемых разрядов субстантивных имён.

Теоретическая значимость исследования обусловлена тем, что в нём представлена целостная концепция описания лексико-грамматических разрядов конкретных, абстрактных, вещественных и собирательных имён с позиций когнитивного подхода к языковым фактам и с учётом традиционных представлений об этих разрядах, сформировавшихся в рамках системно-функционального подхода.

Системно-функциональный подход позволяет рассматривать лексико-грамматические разряды субстантивных имён как элементы общей системы имени существительного; охарактеризовать семантические, грамматические и словообразовательные критерии выделения и распознавания конкретных, абстрактных, вещественных и собирательных существительных; объяснить особенности использования указанных разрядов слов в речи.

Когнитивный подход, дополняя данные системно-функционального анализа, даёт возможность истолковать многие языковые явления, причины которых лежат за пределами языка: обосновать существование в языке четырёх разрядов субстантивных имён (конкретных, абстрактных, собирательных и вещественных); охарактеризовать особенности их таксономической организации; определить роль каждого из разрядов в языковом отражении действительности; объяснить природу лексико-грамматического взаимодействия и появления различных нестандартных форм; выявить центральные и периферийные направления лексико-грамматических пересечений; установить виды этих пересечений и основные модели их реализации. В целом работа выполнена в русле *когнитивно-семасиологического* направления, предполагающего использование когнитивных знаний для объяснения языковых процессов и явлений [ср.: Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М., 2007. С. 21–22].

Практическая значимость работы заключается в том, что она построена с опорой на обширный фактический материал (более 12000 примеров). Представленный в работе конкретный языковой материал может быть использован для дальнейших исследований процессов переходности в сфере имён существительных, например, для создания в будущем специального «Словаря лексико-грамматической характеристики имён существительных» [см. об этом: *Калинина Л. В.* Об одном аспекте лексикографического описания имён существительных // *Русский язык в контексте национальной культуры.* Саранск, 2008. С. 110–115]. Разработанная в диссертации методика определения лексико-грамматической принадлежности субстантивных имён может найти своё практическое применение в курсе вузовского изучения морфологии имени существительного. Принципы, положенные в основу данной методики, могут быть использованы и для характеристики переходных явлений в области других частей речи.

Апробация работы. Основные теоретические положения диссертации изложены в монографии «Лексико-грамматические разряды имён существительных как пересекающиеся классы слов» (Киров, 2009) и учебном пособии «Категория числа и категория количества: общее и различное» (Киров, 2006). Отдельные положения диссертационного исследования отражены в 51 научной работе, из которых 7 опубликованы в изданиях, рекомендованных ВАК: в журналах «Вопросы языкознания» (2007, № 3), «Русская словесность» (2007, № 2; 2009, № 1), «Русский язык в школе» (2008, № 9); «Вестник Вятского государственного гуманитарного университета» (2008, № 3(1); 2008, № 3(2)); «Вестник Нижегородского государственного университета» (2009, № 1).

Результаты работы обсуждались на кафедре русского языка Вятского государственного гуманитарного университета, а также докладывались в выступлениях на конференциях в Москве, Нижнем Новгороде, Казани, Владимире, Костроме, Ижевске, Белгороде, Тамбове, Самаре, Саранске, Кирове.

Гипотеза исследования заключается в том, что лексико-грамматические разряды имён существительных – это прагматически необходимое человеку средство языковой категоризации объектов действительности. Лексико-грамматические пересечения в сфере имён существительных являются проявлениями языковой перекатегоризации или поликатегоризации.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Основными критериями выделения лексико-грамматических разрядов имён существительных являются семантический и когнитивный критерии. Другие критерии (словообразовательный, морфологический, синтаксический) не могут быть признаны достаточно надёжными при установлении лексико-грамматической принадлежности существительных и носят вспомогательный характер.

2. Лексико-грамматические разряды конкретных, абстрактных, вещественных и собирательных имён существительных – это прагматически необходимое человеку средство языковой категоризации объектов действительности, средство структурирования окружающего мира.

3. В рамках каждого из рассматриваемых лексико-грамматических разрядов выделяются его прототипические (ядерные, центральные) представители. Признаки прототипических представителей должны найти отражение в определениях лексико-грамматических разрядов имён существительных.

4. Каждый из лексико-грамматических разрядов имён существительных играет свою особую роль в отражении действительности и является незаменимым на одном из четырёх уровней отражения действительности (философском, когнитивном, естественнонаучном, языковом).

5. Существование лексико-грамматических пересечений в сфере конкретных, абстрактных, вещественных и собирательных имён обусловлено действием ряда языковых законов: закона системности, закона аналогии, закона экономии и закона антиномий.

6. Историческое формирование русской языковой картины мира идёт по пути преодоления семантического синкретизма ко всё большей конкретности и даже дискретности, что обусловлено действием целого комплекса факторов: историко-культурных, онтолингвистических, психологических, социальных, лингвокогнитивных.

7. Лексико-грамматические пересечения в сфере разрядов субстантивных имён осуществляются двумя основными способами: путём перекатегоризации (замещения признаков исходной категории признаками другой категории) и путём поликатегоризации (одновременной актуализации признаков сразу нескольких категорий). Перекатегоризация преобладает в количественном отношении, но поликатегоризация представлена в языке бóльшим разнообразием моделей.

8. Среди лексико-грамматических пересечений конкретных, абстрактных, вещественных и собирательных имён существительных выделяются центральные и периферийные направления. Центральным направлением лексико-грамматических пересечений является конкретизация абстрактных, вещественных и собирательных существительных. Конкретные существительные можно назвать аттрактором синергетической системы лексико-грамматических разрядов. Основным способом конкретизации неисчисляемых имён существительных является квантификация – процесс, при котором языковая единица, изначально не выражавшая количественного смысла, приобретает количественное значение. Квантитативной конкретизации подвергаются все разряды субстантивных имён.

9. К периферийным направлениям лексико-грамматических пересечений относятся материализация, коллективизация и абстрактивизация субстантивных имён, то есть их подведение под категории вещественности, собирательности и абстрактности.

10. В речи регулярно реализуются определённые модели лексико-грамматических пересечений. Существует по крайней мере 24 такие модели.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из Введения, пяти Глав, Заключения и Библиографического списка, включающего 288 источников.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность избранной темы, её научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования. Обозначаются объект и предмет исследования, основная гипотеза, цели и задачи работы, характеризуется языковой материал, перечисляются методы исследования. Формулируются положения, выносимые на защиту.

Глава I «Существительные конкретные, абстрактные, вещественные, собирательные: критерии выделения» посвящена анализу существующих в науке подходов к терминологическому обозначению группировок слов разного объёма и рассмотрению традиционных критериев разграничения разрядов субстантивных имён.

Как и в большинстве научных источников [ср., напр.: *Грамматика современного русского литературного языка*. М., 1970; *Русская грамматика*. В 2 т. Т. 1. М., 1980; *Краткая русская грамматика*. М., 1989; *Камынина А. А. Современный русский язык. Морфология*. М., 1999; *Лопатин В. В., Милославский И. Г., Шелякин М. А. Современный русский язык. Теоретический курс*. М., 1989 и др.], в реферируемой работе термин «лексико-грамматический разряд» используется как обозначающий группировки слов внутри более крупных их объединений – частей речи. При этом лексико-грамматические разряды в диссертационном исследовании рассматриваются как пересекающиеся, взаимодействующие классы (множества, совокупности) языковых единиц.

Лексико-грамматический разряд – это понятие, объединяющее в себе и семантическую, и грамматическую составляющие, но не сводимое ни к одной из них по отдельности, поэтому использовать понятия «лексико-грамматический разряд» и «грамматическая категория» как синонимичные и взаимозаменяемые [что наблюдается в ряде источников, ср., напр.: *Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка*. М., 1957; *Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык. Фонетика и морфология*. В 2 ч. Ч. 1. М., 1958; *Limba rusă literară contemporană*. Budapest, 1963 и нек. др.] вряд ли возможно.

В настоящее время наиболее развёрнутая характеристика лексико-грамматического разряда как класса слов представлена в работе А. В. Бондарко [*Бондарко А. В. Теория морфологических категорий*. Л., 1976]. А. В. Бондарко называет в качестве критериев выделения лексико-грамматических разрядов семантический (как основной), морфемный (проявляющийся факультативно) и грамматический (состоящий во взаимодействии с морфологическими категориями). В связи с этим

необходимо установить, какой из этих критериев выдвигается на первый план при описании лексико-грамматических разрядов имён существительных в лингвистической литературе.

На протяжении XX века разряды конкретных, абстрактных, вещественных и собирательных существительных характеризуются в лингвистической литературе в двух основных аспектах.

В большинстве научных источников лексико-грамматические разряды субстантивных имён рассматриваются *в связи с грамматической категорией числа* (работы А. А. Шахматова, Л. В. Щербы, В. В. Виноградова, А. Н. Гвоздева, А. В. Исаченко, А. А. Камыниной, В. А. Плунгяна; академические грамматики; вузовские учебники). Подчёркивается важность противопоставления счётных, исчисляемых (конкретных) и несчётных, неисчисляемых (абстрактных, вещественных, собирательных) объектов и называющих их слов, поскольку грамматическая категория числа существительных во многом отражает количественные отношения объектов в действительности.

В ряде научных работ указанные разряды существительных описываются *вне прямой связи с категорией числа* (труды А. М. Пешковского, Л. О. Чернейко, В. Ф. Васильевой, Н. К. Демьяненко и нек. др). В таких работах акцент делается не на грамматических, а на смысловых приметах разрядов существительных, на связи значения слова с реальной действительностью, с типом обозначаемого объекта. При этом авторы, как правило, опираются на логико-философские категории абстрактности и конкретности.

В связи с тем, что лексико-грамматические разряды существительных выделяются одновременно на основании нескольких критериев (грамматического, смыслового, словообразовательного) и в силу того, что в лингвистической литературе этим критериям придаётся разная степень важности, необходимо проанализировать значимость каждого из критериев в отдельности, чтобы выявить среди них тот, который в наибольшей степени отвечает языковой реальности.

Последовательное рассмотрение морфологического, синтаксического и словообразовательного критериев позволяет утверждать, что ни один из них не может быть признан достаточно надёжным при разграничении конкретных, абстрактных, вещественных и собирательных существительных.

Морфологический критерий учитывает возможность или невозможность употребления субстантивов во множественном числе. В соответствии с этим критерием конкретные существительные, свободно используемые в формах обоих чисел, противопоставляются именам абстрактным, вещественным и собирательным, обычно имеющим ущербную числовую парадигму.

Однако опора на морфологический критерий не позволяет провести более детального противопоставления: не только конкретных существительных всем остальным, но и абстрактных, вещественных, собирательных имён между собой.

Кроме того, в современном русском языке во всех стилях и жанрах всё более активно употребляются формы множественного числа от неисчисляемых существительных (особенно от абстрактных). Их семантика и функционирование описываются в научной и профессиональной речи, в языке публицистики, в художественных текстах, в разговорном дискурсе (ср. работы М. Г. Бондаренко, Л. А. Брусенской, Н. С. Валгиной, Г. О. Винокура, Л. К. Граудиной, В. П. Даниленко, Л. В. Калининой, Н. Ю. Комаровой, Е. В. Красильниковой и др.). Ср., напр.: *Эта линия выводит страну в разряд растущих экономик* (Литературная газета, 24.05.1995); *Какие риски ожидают тех, кто приобретает квартиры в новостройках?* (Комсомольская правда, 21.06.2005); *Такое впечатление, что на Западной Украине, как на перекрёстке, сошлось несколько разных генофондов древних племён* (Комсомольская правда, 19.03.2008); *Сколько трудных любовей в России!* (Ю. Ряшенцев. Утешение по поводу грустного свидания); *Одежду в корыто бросил, кляпки толстые пустил* (В. Попов. Не спать, не спать...); *«Гарньер Фруктис Стайл» с микровосками фруктов* (телереклама на 1-м канале, эфир от 30.01.2006).

Сущность *синтаксического критерия* состоит в том, чтобы при определении лексико-грамматической принадлежности слова учитывать особенности его синтаксического функционирования. Считается, что наиболее заметна разница в синтаксическом функционировании абстрактных и конкретных имён (ср. работы Н. Д. Арутюновой, Г. А. Золотовой, В. А. Лукина и др.).

Однако языковые факты свидетельствуют о том, что абстрактные существительные ни в единственном, ни тем более во множественном числе не обнаруживают жёсткой привязанности к позиции предиката [ср. в связи с этим данные, приводимые в работах: *Злобин А. А.* Семантика и функционирование слова *свобода* в произведениях А. И. Солженицына: дис. ... канд. филол. наук. Киров, 2007; *Калинина Л. В.* Абстрактные существительные: синтаксические позиции // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры: (Лингвистический и лингвометодический аспекты). Москва–Кострома, 2006. С. 69–73].

По нашим наблюдениям, синтаксическое употребление абстрактных существительных единственного и множественного числа практически не отличается от функционирования в предложении конкретных имён.

Обратившись к специальному изучению синтаксического функционирования абстрактных существительных множественного числа, мы обнаружили, что основными синтаксическими позициями абстрактных имён множественного числа являются позиции дополнения (57% случаев) и подлежащего (22%). Ср.: *Ставки по ипотечным кредитам у нас довольно велики, финансисты изначально заложили в них все риски* (Комсомольская правда, 4.09.2007); *Я вспоминаю свои бесконечные детские ангиды* (Н. Маркович. Flutter. Круто, блин); *Я, пожалуй, сделала все безумства, которые только способна совершить влюблённая женщина с мужчиной* (С. Лукьяненко, В. Васильев. Дневной дозор); *Пожелаю тебе самых разных*

клёвостей (В. Пелевин. Числа); Все эти изобретательства пристрастили его к одиночеству (В. Некрасов. По обе стороны океана); С недавних пор внезапные влюблённости стали постигать его отнюдь не влюбчивую в юности душу (Ю. Нагибин. Запертая калитка); Фашизмы обречены всегда проигрывать войны (Литературная газета, 4.10.1995).

В роли обстоятельства и определения абстрактные существительные множественного числа употребляются соответственно в 11% и 8% случаев. Ср.: И как это любить двух? Двумя разными любовями какими-нибудь? (Ф. Достоевский. Идиот); Душа полиняла от стирок, Приказов, призывов, придинок, Распадов, разладов, разрывов (С. Аксёнова. Душа полиняла от стирок...); Девушки наших мечт (Сегодня, 4. 08. 1994); В продаже обувь разных полнот (телереклама обувного магазина, г. Киров, апрель 2005 г.).

В функции сказуемого, свойственной, как принято считать, предикатной лексике, абстрактные существительные множественного числа представлены крайне немногочисленными примерами (около 2%). Ср., напр.: Такому дому нужны вещи... В таком доме они – смыслы (М. Цветаева. Мои смыслы); Одной из её постоянных несимпатий были говорильни (Е. Евтушенко. Не умирай прежде смерти). Отметим, что в функции сказуемого абстрактные существительные как единственного, так и множественного числа нередко входят в состав предложно-падежных словоформ (типа был в цене, в обмороке, в обиде, в опасности; был на слуху, на исходе, на пределе; был в отношениях, в расстроенных чувствах, в заботах и т. д. и т. п.). Употребление же абстрактного существительного в составе предложно-падежных словоформ значительно конкретизирует выражение предикативного признака

Стало быть, синтаксическое поведение абстрактных существительных и единственного, и множественного числа не позволяет чётко противопоставить их конкретным именам существительным.

Кроме того, синтаксический критерий не является удовлетворительным и в том случае, если необходимо показать особенности функционирования вещественных или собирательных имён, синтаксическое поведение которых не отличается какой-либо яркой спецификой по сравнению с конкретными именами и абстрактными существительными множественного числа [ср.: Калинина Л. В. К вопросу о синтаксическом употреблении вещественных и собирательных существительных // Семантика. Функционирование. Текст. Киров, 2006. С. 169–186].

В качестве вспомогательного при определении лексико-грамматической принадлежности существительного может использоваться словообразовательный критерий: морфемные показатели, которые считаются специфическими приметами существительных разных разрядов, а также способы образования, характерные для слов того или иного разряда. Однако словообразовательный критерий не признаётся исследователями сколько-нибудь значимым: он не может быть применён по отношению к большому числу существительных без суффиксов (типа рыба, дом, страх), а также при многозначности и омонимии суффиксов. Ср.: революционное

студенч-еств-о (собр.) – *весёлая пора студенч-еств-а* (абстр.); *стир-к-а* (абстр.) и *фигур-к-а* (конкр.); *гон-ец* (конкр.) и *холод-ец* (вещств.); *свин-ин-а* (вещств.) – *скот-ин-а* (собр.) – *дуб-ин-а* (конкр.) – *тиш-ин-а* (абстр.).

Наиболее надёжным для классификации существительных по лексико-грамматическим разрядам следует признать *семантический критерий*, так как именно семантика определяет особенности грамматического функционирования субстантивных имён и придаёт большую объяснительную силу другим критериям: морфологическому, синтаксическому, словообразовательному.

В качестве одного из доказательств можно привести факт различной лексико-грамматической принадлежности лексико-семантических вариантов (ЛСВ) многозначного слова. Ср.: *любовь* ‘чувство’ (абстр.) и *любовь* ‘объект любви’ (конкр.); *старина* ‘давно минувшее время’ (абстр.) и *старина* ‘антиквариат’ (собр.); *чай* ‘растение’ (конкр.) и *чай* ‘вещество’ (вещств.) и др.

Доказательством ведущей роли семантического критерия является и факт изменения исходного лексико-грамматического значения слова под влиянием контекста. Ср., напр.: *Мы не встречались в Латинской Америке с особенно убойными москитами и гнусами* (Комсомольская правда, 20.10.2001) – собирательное существительное *гнус* употреблено в конкретном значении ‘представители гнуса: комары, мошки’.

По словам Г. А. Золотовой, «семантика имени, отражающая внеязыковую реальность в категориальных подклассах, органически проникает в синтаксис и обуславливает особенности синтаксического употребления. Семантика имён существительных, как и других классов слов, – факт не только словаря, но и грамматики» [Золотова Г. А. О взаимодействии лексики и грамматики в подклассах имён существительных // Памяти академика Виктора Владимировича Виноградова. М., 1971. С. 89]. Семантический критерий разграничения разрядов слов внутри той или иной части речи называется в качестве основного в работах Л. А. Брусенской, Е. П. Калечиц, Л. В. Калининой, М. А. Стерниной, А. М. Чепасовой и И. Г. Казачук и др.

Семантический критерий предполагает наличие переходных и пограничных случаев. Но точно так же не являются строгими, однозначными, абсолютными и все другие рассмотренные критерии (морфологический, синтаксический, словообразовательный). Поэтому при равных «стартовых возможностях» семантического, морфологического, синтаксического, словообразовательного критериев (то есть при наличии у каждого из них определённых плюсов и минусов) предпочтение следует отдавать именно семантике.

Признавая главным критерием распределения существительных по разрядам семантический, необходимо попытаться найти тот стержень, вокруг которого строятся смысловые отношения существительных. Так как семантика слова тесно связана с тем, какую роль играет то или иное слово в процессе познания действительности человеком, далее мы обращаемся к

рассмотрению когнитивных оснований выделения лексико-грамматических разрядов имён существительных.

Глава II «Когнитивные основания выделения лексико-грамматических разрядов имён существительных» посвящена рассмотрению специфики когнитивного подхода к языку и выявлению когнитивных оснований существования каждого из рассматриваемых разрядов субстантивных имён.

Когнитивный анализ предполагает установление связи между единицами языка и объектами реальной действительности в их восприятии человеком. В рамках когнитивной лингвистики даются ответы на вопросы о том, какие свойства объектов окружающего мира кажутся человеку наиболее значимыми; как исходя из этих свойств человек может использовать эти объекты для своих целей и потребностей; как представления человека об объектах действительности и их свойствах отражаются в языке и т. д. Когнитивную лингвистику интересует широкий круг проблем, связанных с формированием концептов и концептуализацией действительности; с изучением национального менталитета и языковой картины мира; с выявлением когнитивных аспектов семантики, грамматики, дискурса; с анализом категоризации объектов окружающего мира и описанием наиболее ярких их представителей – прототипов и др. Большим вкладом в теорию когнитивных исследований являются труды таких российских и зарубежных учёных, как Н. Ф. Алефиренко, А. П. Бабушкин, Н. Н. Болдырев, А. Вежбидкая, В. З. Демьянков, А. А. Кибрик, Е. С. Кубрякова, Дж. Лакофф, Р. Лангаккер, В. А. Маслова, С. В. Песина, З. Д. Попова, Е. В. Рахилина, Э. Рош, Ю. С. Степанов, И. А. Стернин, Ч. Филлмор, У. Чейф, А. Ченки и др.

Когнитивный метод исследования языка во многом сопрягается с другими подходами к изучению языковых фактов: системно-структурным, функциональным, семантическим, логическим, прагматическим. Нельзя не согласиться с мнением Е. Г. Белявской: «Когнитивная лингвистика... не предполагает отрицания тех результатов, которые ранее были достигнуты в рамках других парадигм лингвистического знания. Напротив, когнитивная лингвистика “вбирает” в себя уже имеющееся знание, без чего сама постановка её задач оказывается невозможной. Задача когнитивно-дискурсивной парадигмы – объяснить необъяснённое, восполнить недостающее, но никак не зачеркнуть достижения лингвистики предыдущего периода» [Белявская Е. Г. Семантика в трёх парадигмах лингвистического знания: критерии выбора метода // Парадигмы научного знания в современной лингвистике. М., 2008. С. 80].

Для целей реферируемого диссертационного исследования наибольшую значимость имеет ряд положений когнитивной лингвистики.

Прежде всего это постулат о необходимости выхода «за пределы собственно языковых знаний и обращение к знаниям неязыкового, энциклопедического характера и определение роли этих знаний в процессе формирования языковых значений и смысла высказывания» [Болдырев Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы

когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 24]. Как показано в настоящем исследовании, лексико-грамматические разряды имён существительных – это средство языкового структурирования, упорядочения, категоризации представлений человека об объектах действительности.

Именно наше восприятие объектов во всей совокупности их действительных признаков позволяет разграничивать в языке названия этих объектов как принадлежащие к разным лексико-грамматическим разрядам и замечать, что «из двух однотипных названий продуктов – *варенье* и *печенье* – первое скорее относится к вещественным, второе же – к собирательным» [Лопатин В. В. Многогранное русское слово. М., 2007. С. 575].

Следует также учитывать, что с точки зрения когнитивной лингвистики все явления действительности могут быть описаны через категории таксономической иерархии: категории вышестоящего уровня – категории базового уровня – категории нижестоящего уровня (*растение* – *дерево* – *берёза*; *животное* – *собака* – *спаниель*; *мебель* – *шкаф* – *книжный шкаф*; *вещество* – *жидкость* – *вода* и т. п.). [См. об этом подробнее в работах Н. Н. Болдырева, Е. С. Кубряковой, Дж. Лакоффа и др.]. Эти категории выделяются не только для материальных объектов, но и для нематериальных сущностей (*состояние* – *болезнь* – *мигрень*; *восприятие* – *слуховое восприятие* – *крик*; *признак* – *цвет* – *желтизна*).

При отнесении какого-то объекта к определённой категории, к определённому классу наше сознание сравнивает данный объект с прототипами – типичными экземплярами, типичными представителями того или иного класса, «которые обнаруживают наибольшее число характеристик, свойственных этой категории» [Болдырев Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 32]. Прототипы являются центральными элементами категории, её когнитивным ориентиром.

По отношению к языковым фактам также можно говорить о существовании типичных, центральных представителей какого-то класса и о менее типичных его представителях, находящихся на периферии класса и/или в зоне переходности; можно говорить об иерархическом устройстве языковой категории и о её полевой природе. Такой подход особенно продуктивен при изучении семантики языковых единиц, а поскольку, как уже было отмечено, именно семантика определяет особенности грамматического функционирования слова, то анализ наличия/отсутствия прототипических черт в конкретных случаях употребления языковых единиц позволит объяснить нестандартное, аномальное речевое поведение слов (в нашем случае – переходные случаи в сфере лексико-грамматических разрядов имён существительных).

Когнитивная лингвистика уделяет особое внимание изучению случаев нестандартного употребления слов. В работе А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского анализ нестандартных употреблений был назван одним из приоритетов когнитивной лингвистики [ср.: Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Постулаты когнитивной лингвистики // Известия РАН.

Серия литературы и языка. 1997. № 1. С. 11–21]. Различные нестандартные и переходные случаи «в традиционных лингвистических описаниях... игнорировались, считались маргинальными. Использование когнитивных методов позволяет интерпретировать их не как ошибки, а как специфические операции со знаниями», – отмечает В. А. Маслова [Маслова В. А. Ведение в когнитивную лингвистику. М., 2007. С. 29]. Эти идеи когнитивной лингвистики оказываются продуктивными для анализа нашего материала: рассматривая переходные случаи употребления лексико-грамматических разрядов имён существительных, мы убеждаемся в том, что нестандартное использование субстантивов чаще всего вызвано намерением говорящего как можно более точно выразить мысль, передать содержание, сознательно (а не ошибочно) приспособив к этому форму.

Когнитивный взгляд на конкретные, абстрактные, вещественные и собирательные существительные позволяет выявить предназначение в языке каждого из этих разрядов имён существительных.

В реферируемой работе мы с когнитивных позиций попытались уточнить традиционные определения лексико-грамматических разрядов имён существительных [ср. пример таких определений в учебнике: *Шанский Н. М., Тихонов А. Н. Современный русский язык. М., 1981*], так как не имело бы смысла искать пересечения (то есть отклонения от стандарта) там, где неясны типичные признаки рассматриваемых объектов, неточно определён сам стандарт.

Самым многочисленным разрядом и типичным представителем субстантивов являются конкретные существительные, которые, в соответствии с традиционным определением, называют отдельные предметы, экземпляры, особи. Важной приметой конкретных имён является также остенсивность их значения. Это значит, что предмет, называемый конкретным именем, можно изобразить наглядно, определить жестом, указанием на него и т. п.

Н. Д. Арутюнова перечисляет основные виды конкретных объектов: «Есть вещи, обособленные самой природой: живые существа, небесные тела, отпадающие или “висящие на ниточке” предметы (плоды, листья и т. п.). Изначальной отдельностью обладают артефакты и их детали... Географический континуум членится... по своей конфигурации: гора, холм, пригорок, долина... и пр. Компоненты “неразборного целого” получают отдельный статус в качестве функциональных деталей организма (нога, хвост, палец... и пр.) или его “топографических единиц” (“пространств”): бок, спина, щека, нос и т. п.» [Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999. С. 16]. Ср. также перечень конкретных объектов в работе А. М. Чепасовой и И. Г. Казачук [Чепасова А. М., Казачук И. Г. Существительные в современном русском языке. М., 2007].

Однако простого перечисления конкретных объектов недостаточно для того, чтобы понять их роль в категоризации действительности, тем более что относительно полным такое перечисление может быть только в масштабе специального словаря, такого, например, как «Русский семантический

словарь» 1998 или «Большой толковый словарь русских существительных» 2005. Это обстоятельство обуславливает необходимость дать такие определения конкретным, вещественным, собирательным и абстрактным существительным, которые бы ориентировали на их прагматическую ценность для человека и носили бы максимально обобщённый характер. В реферируемом исследовании нами и предлагаются такого рода определения для существительных разных лексико-грамматических разрядов.

Прототипические конкретные существительные – это такие существительные, которые называют *самоценные в человеческом представлении объекты, то есть объекты, значимые для человека даже в одном отдельном экземпляре*. Каждый конкретный (отдельный) предмет имеет в представлении человека определённую ценность, определённое предназначение, определённую область применения.

Своё назначение есть не только у предмета в целом, но и у его части, детали. Например, целый дом нужен для того, чтобы в нём жить. Но и каждая часть дома: фундамент, стены, крыша, крыльцо, окна и т. д. – тоже имеет свое предназначение и выполняет его, даже будучи представленной в одном экземпляре. В одно окно (как и в несколько) можно видеть мир, одна стена (как и три остальные) защищает от ветра и поддерживает крышу и т. п. При желании дом можно разобрать «по кирпичику», и до тех пор, пока мы будем способны определить предназначение *отдельной* детали (оконная рама, дверная ручка, плинтус, гвоздь...), мы и будем иметь дело с *конкретными* предметами.

О значимости «отдельных экземпляров» конкретных предметов говорят многие русские пословицы, ср.: *Без копейки рубля нет; Невеличка капля, а камень долбит; И один глаз, да зорок, не надобно сорок; Ино от комара да в две руки не отмашешься; И муха укусит, так всухнет; И одна корова, да жрать здорова; От копеечной свечки Москва загорелась; В одну ночь зима становится; С миру по нитке – голому рубаха; Приложу копейку – так калач кутишь* и др. (В. Даль. Пословицы русского народа).

Доказательства того, что каждый конкретный (воспринимаемый как отдельный) объект должен иметь в глазах человека своё предназначение, находим и в детской речи. К. И. Чуковский, приводя примеры переименованных детьми слов (типа *строганок* вместо *рубанок*, *копатка* вместо *лопатка*, *колоток* вместо *молоток* и т. п.), пишет: «Трёхлетний ребёнок уверен, что почти каждая вещь существует для того или иного определённого действия и вне этого действия не может быть понята» [Чуковский К. И. От двух до пяти. М., 1955. С. 28]. Типичными для маленьких детей являются и такие рассуждения: «Голый мальчик стоит перед зеркалом и говорит, размышляя: – Глаза, чтобы смотреть... Уши, чтобы слышать... Рот, чтобы говорить... А пупок зачем? Должно быть, для красоты...» [Там же, с. 79]. Подобные примеры ярко иллюстрируют особенности протекания когнитивных процессов при освоении человеком окружающего мира и выделении из общего континуума отдельных (=конкретных) объектов и их частей.

Конкретные существительные могут называть категории всех трёх уровней таксономической иерархии: вышестоящего, базового, и нижестоящего. Ср., напр.: *растение* (вышестоящий уровень) – *цветок* (базовый уровень) – *одуванчик* (нижестоящий уровень); *животное* – *лошадь* – *пони*; *насекомое* – *бабочка* – *капустница*; *геометрическая фигура* – *многоугольник* – *квадрат*; *автомобиль* – *грузовик* – *самосвал* и т. д. Существительные данного разряда способны передать практически всё разнообразие материальных предметов.

Прототипические конкретные существительные называют объекты отдельные, самостоятельные, имеющие каждый собственную значимость. Такие объекты легко поддаются непосредственному счёту (их можно считать, просто поочерёдно указывая на них пальцем), для их количественной характеристики не требуются дополнительные мыслительные операции анализа (расчленения целого на части) или синтеза (объединения частей в целое). В этом проявляется такое их свойство, как исчисляемость. Конкретные существительные, называющие исчисляемые объекты, свободно употребляются в формах обоих чисел и сочетаются с самыми разнообразными количественными определителями.

Именно на базе конкретных имён (названий целостно воспринимаемых отдельных объектов) исторически возникли все остальные разряды существительных. Их появление обусловлено развитием абстрактного мышления. Имена древнего языка были по своей природе синкретичны, выражали представление сразу о множестве свойств и функций объекта. По мере развития человеческого мышления из синкретичной семантики древних имён выделились идеи вещественности, собирательности, отвлечённости. Но для чего, зачем в языке появились эти категории, какие отношения они призваны передать?

Прототипические вещественные существительные обозначают то, из чего изначально состоит или создаётся объект (и его детали) и то, что нужно для дальнейшего продления его бытия, а также отходы его материального существования.

Поскольку самым важным конкретным объектом является сам человек, то большая часть вещественных существительных называет субстанции, необходимые для обеспечения материального существования человека.

Историческое появление категории вещественности, по-видимому, объясняется прагматическим, во многом потребительским взглядом человека на мир. Ср. в связи с этим замечание А. А. Потебни: «Древний... человек смотрел на природу только своекорыстно... как детям, природа нравилась ему, насколько была полезна» [*Потебня А. А. Мысль и язык*. М., 1999. С. 67]. Поэтому значительная часть «вещства» – это всё то, что может служить материальной основой для обеспечения жизненно важных для человека процессов. Например, для питания нужны продукты и напитки: *мясо, хлеб, горох, картофель, тесто; вода, квас, пиво, чай, молоко*. Для заботы о здоровье нужны лекарства: *микстура, мазь, бальзам, анальгин, дибазол*. Для строительных работ – *глина, песок, гипс, гранит, древесина*. Для

производства одежды – шерсть, шёлк, хлопок, лён, бархат. Для чеканки денег и изготовления украшений – золото, серебро, медь, платина, мельхиор.

Об этом же пишет А. В. Олянич. Ср.: «Весь материальный мир с точки зрения Человека Потребляющего так или иначе расценивается как объект потребления и утилизации; главной целью и родом человеческого по отношению к материальному миру является поиск и изъятие из него вещества, годного к продолжению жизни человеческого организма... Этот глобальный когнитивный посыл связан с базовым стремлением человека к всеобщей утилизации материального мира» [Олянич А. В. Гастрономический дискурс в системе массовой коммуникации (семантико-семиотические характеристики) // Массовая культура на рубеже XX–XXI веков: Человек и его дискурс. М., 2003. С. 169].

Среди названий веществ можно выделить категории всех трёх таксономических уровней. В целом для денотативной сферы «Вещество» характерна чрезвычайно сложная и дробная организация. Эта сложность объясняется тем, что всё разнообразие видов материи передаётся в основном за счёт категорий нижестоящего уровня, ср., напр.: *твёрдое вещество/металл* (базовое понятие) – *алюминий, вольфрам, железо, золото, медь, никель, олово, серебро, хром* и т. д. Категории нижестоящего уровня в свою очередь тоже делятся на многочисленные сорта и виды, ср.: *кислота – лимонная, молочная, муравьиная, серная, соляная* ... Очевидно, что именно реальное многообразие категорий нижестоящего уровня и объясняет факт свободного употребления во множественном числе вещественных существительных со значением сортов или видов вещества.

Прототипические собирательные существительные называют объекты, значимые только в своей совокупности и приобретающие в этой совокупности новое качество. Собирательные существительные – это прежде всего те слова, которые объединяют предметы в совокупность на основе найденного человеком и важного для него категориального признака качественно нового, более высокого уровня, и которые трудно представить в виде определённого «ментального образа»: *мебель, посуда, обувь, публика, бозема, человечество, студенчество, офицерство, ребята, детвора, зверьё, дичь, хлам* и др.

Категория собирательности находится на ином, более высоком уровне абстракции по сравнению с названиями конкретных предметов. Вот как это показывает Дж. Лакофф: «У нас нет абстрактных ментальных образов предметов мебели, которые бы не были образами объектов базового уровня, таких, как стул, стол, кровать и т. д. Попробуйте представить предмет мебели, который бы выглядел не как стул, стол, кровать и т. д., но как нечто более абстрактное. Очевидно, что это невозможно» [Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М., 2004. С. 78]. Ср. ряд примеров, подтверждающих это положение: *В актовом зале набилось публики самой разной – родители, учителя, представители района* (Д. Рубина. «Всё тот же сон!»); *Не хуже, чем у других, мебель – и стенка, и кресла, и диван-кровать... и люстры под потолком вместо голых*

лампочек (А. Курчаткин. Веснянка); *В Китай массовым количеством вывозится самое разнообразное сырьё (лес, цветной металл, хлопок)* (Аргументы недели, 2008, № 16).

Когнитивный подход позволяет определённым образом решить вызывающий постоянные споры вопрос о лексико-грамматической природе существительных типа *толпа, стадо, полк* и под. Эти существительные относят то к конкретным, то к собирательным. Однако их целесообразно считать конкретными. Их ментальный образ вполне можно себе представить, потому что они характеризуют совокупность лишь количественно, без перехода «количества в качество»: *толпа, отряд, полк, группа* – это определённое количество людей, а ментальный образ человека есть у каждого; *табун, стадо, стая* – это определённое количество животных или птиц (*лошадей, коров, волков, уток*), и эти образы также существуют в нашем сознании.

Немаловажен и тот факт, что на вопрос о том, что такое, например, «мебель», можно дать ответ с помощью перечисления *различных* объектов (*мебель* – это столы, стулья, диваны, кровати, шкафы...), объединяемых по одному общему для всех этих объектов качеству, по одному признаку – все они служат для создания в помещении комфортной для человека обстановки. (Ср. также: *посуда* – это чашки, тарелки, кастрюли, котелки...; *обувь* – это туфли, ботинки, валенки, тапки...; *зелень* – это укроп, петрушка, сельдерей, лук...). Но, отвечая на вопрос о том, что такое «толпа», мы не станем перечислять: *«толпа – это учителя, врачи, дворники, продавцы...» Мы ответим: это большое количество собравшихся вместе людей. *Табун* – это много лошадей (но не *«жеребцы, кобылы, жеребята, мериньы» и т. п.). *Полк* – это определённое количество солдат (но не *«новобранцы, старослужащие, сержанты, прапорщики и т. п.»). Как видим, слова типа *толпа, полк, стадо* не предполагают зарождения нового качества; они называют такое множество предметов или лиц, которое не объединяется какой-то качественно новой характеристикой. Поэтому мы и считаем, что рассматриваемые слова целесообразно признать конкретными, ср.: *солдат* – *солдаты, полк солдат; лошадь* – *лошади, табун лошадей*. Значимым остаётся и то, что слова типа *толпа, стадо, полк, отряд* называют «такие совокупности, которые имеют место наряду с другими такими же совокупностями, а потому могут быть сосчитанными» [*Современный русский литературный язык* / под ред. В. Г. Костомарова и В. И. Максимова. М., 2003. С. 371].

Собирательные существительные, в отличие от имён конкретных и вещественных, представляют в языке только категории вышестоящего уровня, ср.: *посуда, мебель, обувь, человечество, живность, растительность, техника, тематика* и др. Эта когнитивная специфика собирательных существительных позволяет объяснить и их функциональные особенности: соотносённостью собирательных имён только с категориями вышестоящего, наиболее абстрактного уровня объясняется их общее сопротивление использованию во множественном числе. Собирательные существительные составляют, по словам Л. А. Брусенской, «самую стойкую

сингулярную группу среди неконкретных существительных» [Брусенская Л. А. Семантический и функциональный аспекты интерпретации категории числа в русском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 1994. С. 22].

Прототипические абстрактные существительные представляют собой имена нематериальных сущностей (идей), важные для обеспечения интеллектуально-духовной жизни человека.

Абстрактные существительные выделяют в предмете его самые важные качества; они являются высшей степенью проявления языкового абстрагирования (которое в той или иной степени представлено в любом существительном). Чаще всего абстрактные существительные называют:

а) отвлечённое качество, отвлечённый признак, присущий разным объектам действительности, ср.: *Ребячливость сестры поражает старшего брата* (Д. Донцова. Хобби гадкого утёнка);

б) отвлечённое действие, которое может совершаться разными деятелями или производиться над разными объектами, ср.: *Но если уж говорить о задаче, то я понимаю её как лепку или мозаичное выкладывание из слов интеллектуального образа предмета* (С. Аверинцев. Попытки объясниться);

в) отвлечённое состояние или чувство, которое может возникать в разных ситуациях, ср.: *Её восхищение им переросло в любовь* (Г. Кемоклидзе. Покупка);

г) отвлечённое понятие, которое существует только в человеческом сознании и которое нельзя представить наглядно, ср.: *А как же мораль? – Какая ещё мораль? – Общечеловеческая. – Какая? – спросила я* (С. Лукьяненко, В. Васильев. Дневной дозор).

Несмотря на умозрительность природы абстрактных имён, среди них, также как и среди конкретных и вещественных существительных, можно выделить категории всех трёх уровней: высшего, базового и нижестоящего. Ср.: *эмоция* (высший уровень) – *страх* (базовый уровень) – *ужас* (нижестоящий уровень); *отношение* – *антипатия* – *ненависть*; *состояние* – *болезнь* – *ангина*; *восприятие* – *слуховое восприятие* – *шёпот*; *признак* – *цвет* – *краснота*; *наука* – *лингвистика* – *фонология* и т. д.

О возможном градуировании абстрактного понятия, выделении внутри него тех или иных категорий, степеней, форм проявления, разновидностей свидетельствуют многочисленные примеры. Ср.: *Между знанием и незнанием существует множество промежуточных состояний: быть в курсе, быть в состоянии вести беседу и так далее* (С. Аверинцев. Попытки объясниться); *Чеченский терроризм есть лишь тоненькая прослойка между двумя толстыми терроризмами: терроризмом Российских верхов... и терроризмом низов* (Московские новости, 1995, № 42); *Песни его... перешагнули уже порог, отделяющий простую глупость от клинической дебильности* (А. Слаповский. Правда в глаза).

Возможность мысленного выделения в абстрактном понятии некоторых «составных частей», категорий нижестоящего уровня, создаёт

предпосылки для конкретизации абстрактных существительных и последующего их употребления во множественном числе. Ср., напр.: *10 основных видов депрессий: тревожная, астеническая, ипохондрическая, гневливая, брюзжащая, маскированная, улыбающаяся, апатическая, ангедоническая, депрессия без депрессии* (Комсомольская правда, 5.09.2007); *Внук... говорит: – Бабка, у тебя сколько мечт?... А у меня, бабка, целых двенадцать мечт... Внук начинает перечислять свои мечты и загибает при этом пальцы* (В. Пьецух. Василиса и духи); *Между физиологиями европейцев и азиатов есть существенная разница* (Комсомольская правда, 20.03.1998).

Можно утверждать, что четыре лексико-грамматических разряда имён существительных представляют в языке четыре уровня отражения действительности: философский, когнитивный, естественнонаучный и собственно языковой. На каждом из этих уровней какой-то один разряд является уникальным и противопоставленным трём остальным.

Философский уровень отражения действительности связан с глобальным делением всех объектов на материальные и идеальные. На этом уровне *абстрактные* существительные, называющие идеальные, умозрительные объекты, противопоставлены именам конкретным, вещественным и собирательным, называющим (в основной своей массе) предметы материальные и чувственно воспринимаемые.

Когнитивный уровень предполагает рассмотрение лексико-грамматических разрядов имён существительных как средства категоризации объектов действительности. На когнитивном уровне уникальным, не похожим на другие существительные разрядом являются *собирательные* имена. Дело в том, что внутри остальных разрядов (имён конкретных, вещественных и абстрактных) возможно выделение всех трёх категорий таксономической иерархии. Что касается имён собирательных, то они представляют собой исключительно категории вышестоящего уровня.

Естественнонаучный уровень связан со знаниями человека о живой и неживой природе, её явлениях и законах развития. Эти знания получены благодаря таким наукам, как биология, химия, физика. На естественнонаучном уровне уникальным и противопоставленным остальным субстантивам разрядом оказываются *вещественные* имена: конкретные, собирательные и даже абстрактные существительные называют такие объекты, которые можно «разложить на части» (в реальности или мысленно); вещество же в нашем представлении всегда остаётся тождественным самому себе.

Языковой уровень связан с грамматическими возможностями имён существительных. На языковом уровне самым «сильным» и противопоставленным всем остальным субстантивам разрядом являются *конкретные* существительные. Конкретные существительные, называющие отдельные материальные предметы, являются исчисляемыми, свободно сочетаются с различными количественными определителями и изменяются по числам; они не ограничены в функционировании категории падежа;

только у конкретных имён имеет смысл и формальное выражение категория одушевлённости; только конкретные имена могут быть личными и нарицательными; только для обозначений конкретных предметов оправдано разграничение имён собственных и нарицательных. Конкретные имена составляют основную массу имён существительных и являются типичными, центральными представителями данной части речи.

Но несмотря на то, что у каждого из лексико-грамматических разрядов есть в языке своё предназначение и свой «круг обязанностей», существительные разных разрядов нередко тяготеют к взаимодействию, приобретая при этом несвойственную для себя семантику и/или выступая в необычной функции. Результатом такого взаимодействия оказываются разного рода переходные явления – случаи лексико-грамматических пересечений.

Глава III «Лексико-грамматические разряды имён существительных как зона переходных явлений» посвящена проблеме внутривидовой пересеканности классов субстантивных имён.

Лексико-грамматические пересечения в сфере имён существительных обусловлены действием глобальных законов развития языка: закона системности, закона экономии, закона аналогии и закона антиномий.

Закон системности (суть которого состоит в том, что все элементы языка связаны между собой, и изменения, происходящие на одном уровне языка, вызывают изменения и на других его уровнях) обуславливает факт взаимного перехода имён существительных из одного разряда в другой (взаимодействие частей внутри целого) и приобретение существительными, наряду с новым смысловым наполнением, и нового грамматического оформления.

Закон экономии обнаруживает себя на разных уровнях языка как тенденция к экономии речевых усилий. Переходные лексико-грамматические формы имён существительных как нельзя лучше отвечают потребности к речевой экономии, так как позволяют в одной словоформе передать сразу несколько смыслов и тем самым способствуют одновременно краткости и ёмкости выражения.

Закон аналогии проявляется как «процесс формального и/или семантического уподобления одной единицы языка другой или перенос отношений, существующих в одной паре (серии) единиц, на другую пару (серию)» [Кубрякова Е. С. Аналогия // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 31]. В сфере лексико-грамматических пересечений имён существительных аналогия проявляется в том, что имя существительное, подведённое под другую категорию, начинает употребляться в речи одинаково с типичными представителями данной категории.

Закон антиномий является стимулом развития языковой системы. На появление переходных случаев в сфере лексико-грамматических разрядов имён существительных оказывают влияние прежде всего две антиномии: антиномия системы и нормы и антиномия означаемого и означающего. *Антиномия системы и нормы* заключается в том, что «возможности языка

(системы) значительно шире, чем принятое в литературном языке употребление языковых знаков; традиционная норма действует в сторону ограничения, запрета, тогда как система способна удовлетворить большие запросы общения» [Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. М., 2001. С. 22]. Стремлением использовать весь потенциал системы языка (даже если это противоречит традиционной норме) обычно и объясняются «неправильные» плюральные формы абстрактных, вещественных и собирательных имён, а также многие другие случаи лексико-грамматических пересечений в сфере имён существительных. *Антиномия означаемого и означающего*, вызванная асимметричностью языкового знака, заключается в том, что «означаемое и означающее всегда находятся в состоянии конфликта: означаемое (значение) стремится к приобретению новых, более точных средств выражения... а означающее (знак) – расширить круг своих значений, приобрести новые значения» [Там же, с. 23]. Благодаря действию этой тенденции данная форма существительного может приобретать новое содержание, а определённое изменение содержания может обуславливать возникновение и закрепление в языке новой формы.

Стало быть, случаи переходности на разных уровнях языка – это естественное явление, свидетельствующее о живых процессах в развитии языка.

Переходные явления в семантике и грамматике достаточно хорошо изучены и описаны. В научном обиходе используется сразу несколько терминов, называющих разные виды «гибридизации» в сфере частей речи и связанные с этим явления: *переход*, *переходность*, *пересекаемость*, *полуомонимия*, *транспозиция*, *перекатегоризация*, *поликатегоризация*, *синкретизм*, *синкретсемия*, *лексико-грамматическая полисемия*, *лексико-грамматическая вариантность* и т. д. [Ср. работы В. В. Бабайцевой, А. Я. Баудера, И. В. Высоцкой, П. А. Леканта, М. В. Пименовой, М. А. Стерниной, П. В. Чеснокова, В. В. Шигурова и др.].

В реферируемой работе в качестве основных используются терминологические обозначения, принятые в работах когнитивного направления: *перекатегоризация* и *поликатегоризация*. Данные термины являются наиболее подходящими для целей настоящей работы по двум причинам. Во-первых, как было показано ранее, лексико-грамматические разряды имён существительных выступают не только как чисто языковое явление, но и как средство категоризации объектов действительности. В связи с этим кажется естественным и логичным пользоваться рядом соотносительных терминов: *категоризация*, *перекатегоризация*, *поликатегоризация*. Во-вторых, данные термины имеют вполне определённое, однозначное содержание и понимаются исследователями одинаково (в отличие, например, от терминов *переходность* и *синкретизм*, которые в настоящее время активно осмысливаются лингвистами и понимаются ими по-разному).

Перекатегоризация – это замещение признаков исходной категории признаками другой категории (в нашем случае – семантических и

функциональных признаков одного лексико-грамматического разряда семантическими и функциональными признаками другого разряда: $X \rightarrow Y$).

Поликаатегоризация – это одновременная актуализация признаков сразу нескольких (обычно двух) категорий. В рамках поликатегоризации можно выделить модели типа $X+у$ и $(X+Y) \rightarrow X$ или Y – в зависимости от того, возможно ли однозначно установить исходную категорию называемого существительным объекта действительности или нет.

В реферируемом диссертационном исследовании предлагается определённая методика определения лексико-грамматической принадлежности имён существительных.

В соответствии с этой методикой лексико-грамматическая принадлежность существительного должна определяться особо для каждого отдельного его значения (лексико-семантического варианта), реализованного в определённом контексте.

Первым шагом в отнесении существительного к тому или иному лексико-грамматическому разряду является применение когнитивного критерия и установление принадлежности объекта, называемого существительным, к той или иной категории объектов действительности. Необходимо установить, вызывает ли анализируемое существительное при первоначальном, внеконтекстуальном его восприятии представление об отдельном предмете (конкретное), однородном веществе/сырье (вещественное), о целостной совокупности предметов (собирательное) или об умозрительном качестве, действии, состоянии, понятии (абстрактное). Результатом этого этапа будет первичная (внутренняя, мыслительная) категоризация объекта. Параллельно происходит и установление вторичной (внешней, языковой) категоризации; в нашем случае – исходной лексико-грамматической принадлежности существительного.

Однако на этапе первичной интерпретации слова мы сталкиваемся с рядом трудностей: различие представлений о предмете у носителей языка (см. данные проведённого нами ассоциативного эксперимента в *разделе 3.3.1.* реферируемой работы); отсутствие необходимых лексико-грамматических помет в словарях; несоответствие иерархии словарных толкований с представлениями носителей языка. Значит ли это, что когнитивный критерий следует признать ненадёжным? Полагаем, что это не так. «Интерпретация Наблюдателя, – пишет С. Н. Виноградов, – отражает не только объективное соотношение знака и результата интерпретации первого уровня, но и представления Наблюдателя о сходстве и тождестве наблюдаемых объектов. Это представление может и не совпадать с реально существующими отношениями объектов, однако в общем верно отражает эти отношения. Если бы это было не так, человек не мог бы ориентироваться в окружающем его мире» [Виноградов С. Н. Термин как средство и объект описания (на материале русской лингвистической терминологии). Нижний Новгород, 2005. С. 38].

Категоризация, как известно, предполагает отнесение данного объекта к определённому классу объектов. Поэтому в случае затруднения в

категоризации какого-либо отдельно взятого объекта/понятия необходимо поместить его в один ряд с близкими ему соотносительными объектами/понятиями. Сопоставление конкретной единицы с другими ей подобными (или кажущимися подобными) единицами позволяет уточнить её принадлежность к тому или иному классу. Психолог Дж. Брунер считает, что категоризация проходит в несколько этапов, так как после первичной категоризации идёт поиск признаков, позволяющих проверить первое впечатление о предмете (верификация), и уже затем осуществляется окончательная категоризация [Брунер Дж. Психология познания. За пределами непосредственной информации. М., 1977].

Ср. пример корректировки категоризации после осуществления верификации: [Члены семьи плотника Меринова выясняют, какого зверя подобрал плотник Меринов у магазина, отбив от собак]

– *Это что за типчик?* – *спросила Вера, глянув на недопёска...*

– *Это, Верунь, английский шпицок,* – *ответил плотник... – Его дачники бросили, а я пожалел.*

– *Разве это собака? Смотри, какой хвост, и морда лисья.*

– *Может быть, это помесь собаки с лисой?* – *неуверенно рассудил плотник.*

– *Папань, ты думай, что говоришь. Ну откуда возьмётся такая помесь? Лиса звон где, а собаки в деревне. Это зверь, а не собака.*

Мамаша, Меринова Клавдия Ефимовна, вышла на крыльцо с полотенцем в руках... Клавдия Ефимовна работала в колхозе счетоводом, а два года назад была с председателем на звероферме, видала и песцов, и черно-бурых лис. Она сразу поняла, кто такой сидит на снегу у конуры.

– *Песец,* – *сказала она. – Он с фермы сбегал (Ю. Коваль, Недопёсок).*

В этом примере ошибочная первичная категоризация «собака» была отклонена после сопоставления с признаками «типичных» собак (форма хвоста и морды); затем вторая ошибочная категоризация «помесь лисы с собакой» была отклонена как невозможная из-за несовпадения такого признака, как место обитания. В результате сначала была установлена самая общая принадлежность к классу («зверь»), а затем (с помощью мамыши Мериновой, которая соотнесла данный объект с классом объектов, виденных ею прежде) – и точная категоризация («песец»).

Подобные примеры являются доказательством того, что ошибочная категоризация может быть преодолена при сопоставлении данного объекта с другими, о которых наверняка известно, к какому классу они принадлежат. При затруднении в категоризации того или иного объекта/слова (в нашем случае – при определении исходной лексико-грамматической характеристики имени существительного) следует *сопоставить* этот объект (это существительное) с *прототипическими представителями той или иной категории*. При этом привлекаются как данные опыта, так и собственно языковые знания, поскольку, по словам Н. Н. Болдырева, «сложнейшей проблемой остаётся до сих пор определение той грани, за которой кончается языковое знание (знание языкового значения) и начинается общее,

энциклопедическое знание, не включённое в языковое значение, и как определить, какие знания о мире имеют существенное значение для понимания текстов, а какие нет. Скорее всего, этой грани не существует вовсе» [Балдырев Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 30].

Нельзя не учитывать, что для большей части слов языка характерна полисемия, и различные лексико-семантические варианты слова нередко связывают единицы языка с разными классами объектов действительности. Выявить, какое именно значение слова имеется в виду, а также установить возможное отклонение слова в данном употреблении от его первичной категоризации, позволяет *контекст*. Какие же составляющие контекста, имеют значение для определения лексико-грамматической характеристики имени существительного?

Это *грамматическая форма числа*, в которой употреблено имя существительное. При всей активности процесса плюралного употребления абстрактных, вещественных и даже собирательных существительных, справедливым остаётся положение о том, что при использовании этих существительных во множественном числе меняется (конкретизируется) их семантика.

С формой числа существительного тесно связано *наличие* в контексте тех или иных *количественных определителей*: количественных и порядковых числительных (*два, десять, второй*); счётных существительных (*десяток, сотня*); местоимений разных разрядов (*все, сколько, никакие*); количественных наречий (*много, мало, чуть-чуть*); количественно-уподобительных существительных (*море, гряда, арсенал*); прилагательных со значением разнообразия и множественности (*разные, различные, многочисленные*) и др. Наличие в тексте любого количественного определителя, относящегося к имени существительному, конкретизирует его семантику.

Сочетание имени существительного с количественными определителями относится к области синтагматики. Эта область выводит нас и далее на уровень синтаксиса. К синтаксическим аспектам, влияющим на лексико-грамматическую характеристику существительного, относятся, во-первых, *роль существительного в предложении* (позиция подлежащего или дополнения существенно конкретизирует представление о называемом объекте) и, во-вторых, *использование существительного в особых структурных типах контекстов* (таких типов контекстов нами выявлено восемь, см. *раздел 4.3.1* реферируемой диссертации).

Нестандартное грамматическое употребление существительного часто свидетельствует о его *использовании в переносном – метонимическом или метафорическом – значении*. Метонимия и метафора также являются средствами контекстуального уточнения лексико-грамматической принадлежности имени существительного. Причём если метонимия обычно конкретизирует значение существительного (как во множественном, так и в

единственном числе), то метафора может его не только конкретизировать, но и делать отвлечённым.

После рассмотрения всех значимых особенностей контекста – семантических, формальных, функциональных – мы можем определить лексико-грамматическую принадлежность имени существительного и обнаружить, насколько в условиях контекста изменилась его исходная категоризация.

Приведём некоторые примеры установления лексико-грамматической принадлежности имён существительных в соответствии с предложенной методикой.

Ср.: *Демобилизовавшись, не то где-то присмотрел, не то даже вывез из Германии... эти три мебели* (А. Битов. Пушкинский дом).

Существительное *мебель* само по себе обладает собирательной семантикой, оно обобщает представления о совокупности определённых предметов. Ср.: «*Мебель, -и, ж.* Предметы для сидения, лежания, размещения вещей и других потребностей быта» [Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2005]. В нашем контексте это слово употреблено в единственном числе, однако рядом с ним стоят количественные определители: *эти три мебели*. Количественная характеристика конкретизирует значение существительного. Перед нами случай метонимического переноса с названия совокупности на названия отдельных предметов из этой совокупности. Произошла перекатегоризация. Лексико-грамматическую принадлежность слова *мебель* в данном контексте можно передать как *C→K*: собирательное существительное в значении конкретного.

Ср.: *Столетний тёмный дуб бочки лоснился как отшлифованный* (А. Грин. Алые паруса).

Существительное *дуб* изначально осмысливается как конкретное, поскольку вне контекста чётко соотносится с отдельным объектом 'дерево', подобным другим аналогичным объектам. Ср. прямое словарное значение этого существительного: «крупное листовое дерево семейства буковых с крепкой древесиной и плодами-желудями» [Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2005]. Однако в нашем примере речь идёт не о дубе как конкретном объекте, а о дубе как материале, о древесине дуба. Прошедший метонимический перенос вызвал перекатегоризацию, в результате чего лексико-грамматическое значение существительного *дуб* в данном контексте определяется как *K→B*: конкретное в значении вещественного.

Ср.: *Наступил последний год моего студенчества* (М. Осоргин. Повесть о сестре).

Первоначально (вне контекста) затруднительно отнести слово *студенчество* однозначно либо к абстрактным, либо к собирательным существительным. В толковом словаре в качестве прямого даётся собирательное значение 'совокупность студентов', и лишь затем – отвлечённое. Ср. «*Студенчество, -а, ср.* 1. *собир.* Студенты. 2. *Пробывание в*

высшем учебном заведении в качестве студента» [Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2005]. С исторической же точки зрения для существительных на *-ств(о)* первичным было абстрактное значение. В речи, судя по данным нашего материала, существительное *студенчество* выступает в собирательном и отвлечённом значении примерно с одинаковой степенью частоты. Значит, вне контекста это слово проявляет изначальную поликатегоризацию типа (С+А: собирательно-отвлечённое), которая может быть снята только в условиях контекста. В нашем примере существительное *студенчество* выступает именно как абстрактное, имеет значение «пребывание в высшем учебном заведении в качестве студента» и подводит называемый объект под категорию умозрительных, отвлечённых понятий. Обозначим этот процесс в виде формулы (С+А)→А: у существительного собирательно-отвлечённой семантики в контексте реализуется абстрактная составляющая значения.

Анализ нашего языкового материала, проведённый с помощью предложенной методики, позволяет обнаружить центральные и периферийные направления лексико-грамматического взаимодействия имён существительных. Мы установили, что *центральным направлением лексико-грамматических пересечений является конкретизация абстрактных, вещественных и собирательных существительных.*

Глава IV «Конкретизация имён существительных как центральное направление лексико-грамматических пересечений» посвящена рассмотрению причин, условий и видов конкретизации.

Если рассматривать язык как синергетическое образование, то конкретные существительные можно назвать *аттрактором* системы лексико-грамматических разрядов, то есть таким структурным образованием в рамках системы, которое притягивает (ср. лат. *attrahere* – притягивать) к себе все множество траекторий системы и на которое «выходят процессы эволюции... в результате затухания промежуточных, переходных процессов» [Князева Е. П., Курдюмов С. П. Основания синергетики. М., 2006. С. 192].

Анализ конкретного языкового материала позволяет утверждать, что *конкретизация представляет собой закономерный, постепенно развивающийся и усиливающийся в ходе исторического развития языка процесс, обусловленный целым комплексом факторов: историко-культурных, онтолингвистических, психологических, социальных, лингвокогнитивных.*

Под *историко-культурными факторами* мы подразумеваем то, что человеческое сознание прошло путь от нерасчлнённого, синкретичного мировосприятия к расчлнённому, конкретному (и даже дискретному). [См. об этом в работах Э. Н. Акимовой, К. Е. Баталиной, В. И. Дегтярёва, В. В. Колосова, М. В. Пименовой, Л. А. Шабловской, Т. Ю. Щуклиной и др.].

Онтолингвистические факторы связаны с механизмом становления речи человека, которая проходит в своём развитии несколько этапов по направлению от синкретичных форм (у маленьких детей) ко всё более и

более расчленённым (по мере взросления индивида) [ср., напр., работы А. Р. Лурия].

Под *психологическими факторами* мы понимаем ту психологическую очевидность, которая выступает как устойчивое предпочтение конкретного абстрактному, проявляется практически во всех сферах человеческой жизни и отражена во множестве различных высказываний. Психологические причины постоянного развития конкретизации связаны с тем, что абстрактные понятия и слишком обобщённые категории не удовлетворяют мыслительных потребностей человека. Всё абстрактное (в широком смысле) оценивается человеком как нечто, не имеющее определённого содержания, слишком расплывчатое, не имеющее отношения к настоящей, реальной жизни.

К *социальным факторам*, обуславливающим развитие конкретизации представлений о действительности, относятся *развитие рыночной экономики* (требующей от человека реальных шагов по достижению конкретной материальной цели); *падение тоталитарного режима* (отказ от идеологии коллективизма как способа существования в обществе и стихийное формирование идеологии индивидуализма, противопоставления отдельной человеческой «единицы» монолитному и однородному «единству»); *стремительный рост научных знаний об устройстве мира* (развитие нанотехнологий); *распространение Интернета* как возможности быстрого получения «порций» информации (у человека уменьшается способность к концентрации внимания, он способен воспринимать только конкретную отрывочную информацию небольшого объёма).

Лингвокогнитивные факторы связаны с тем, что наиболее удобными для обработки и хранения информации о действительности являются категории базового уровня. Как уже отмечалось, наилучшими (прототипическими) представителями имён существительных являются конкретные имена, а наилучшими (прототипическими) представителями конкретных имён – названия категорий базового уровня: *собака, комар, стол, сапог, дом* и т. д. Именно поэтому там, где это возможно, человек стремится рассматривать то или иное явление как конкретное, то есть – отдельное от других явлений и выступающее в качестве самостоятельной «единицы», «кванта» восприятия и осмысления.

Конкретизация может осуществляться различными способами: с помощью использования согласованных и несогласованных определений; через использование существительных неконкретной семантики в синтаксических позициях подлежащего и дополнения и т. п. Однако наши наблюдения показывают, что чаще всего конкретизация имён существительных осуществляется с помощью их квантификации.

Квантификация – процесс, при котором языковая единица, изначально не выражавшая количественного смысла, приобретает количественное значение. Квантификация осуществляется под влиянием потребности говорящего как можно более точно и определённо передать своё видение действительности, своё мнение о ней.

Первым этапом квантификации является мысленное выделение в неисчисляемом понятии некоторых отдельных «единиц», «квантов». Эти «единицы» могут соотноситься с понятием части или с понятием целого.

Если выделенная из неисчисляемой сущности «единица» приравнивается к какой-то части от общего объёма понятия, то это *дискретная квантификация*, которая представляет собой *счёт частей в составе целого*. Дискретная квантификация связана обычно с метонимическим переносом названия с целого понятия на какой-то частный случай реализации этого понятия. Дискретной квантификации могут подвергаться все разряды неисчисляемых существительных: имена абстрактные, вещественные и собирательные. Ср. соответственно:

а) *Если обычный человек делает в среднем 16 дыханий в минуту, то йог делает 7-9 и даже 2-3 дыхания в минуту* (Аргументы и факты, 1999, № 5). В данном случае существительное *дыхание* в выражениях *16 дыханий*, *2-3 дыхания* означает не 'процесс поглощения кислорода и выделения углекислого газа живыми организмами', а 'отдельный вдох'. Отдельные вдохи вполне поддаются счёту, так что форма *16 дыханий* выражает дискретное количество: первый вдох + второй вдох ... + шестнадцатый вдох = 16 дыханий.

б) *Эта шаль пропахла многими табаками и духами* (Б. Пильняк. Человеческий ветер). Форма множественного числа *«пропахла многими табаками»* объясняется как 'пропахла запахами табака разного сорта, который курили в разное время разные люди' – значение нескольких (многих) сортов вещества (табак №1 + табак №2 + табак №3...) допускает употребление множественного числа – *табаки*.

в) *Гранёный столбик. Простачок. Среди других посуды Он тем хорош, что одинок. Такой простой сосуд* (А. Кушнер. Стакан). В данном случае форма *посуды* прочитывается как 'отдельные предметы посуды': предмет посуды №1 + предмет посуды №2 + предмет посуды №3 и т. д.

Если «за единицу» принимается всё неисчисляемое понятие в целом, то перед нами *унитарная квантификация*, то есть *счёт отдельных самостоятельных единиц*. Унитарной квантификации подвергаются только абстрактные и собирательные существительные. Для вещественных имён унитарная квантификация (как свидетельствует имеющийся в нашем распоряжении конкретный языковой материал) не характерна, так как вещество само по себе изначально выступает как некая единая сущность, из которой можно выделить только те или иные «части». При образовании же форм множественного числа вещественные существительные приобретают значения сортов вещества или изделий из данного материала (а такого рода формы выражают дискретную квантификацию). Ср. примеры унитарной квантификации абстрактных и собирательных существительных:

а) *Мир трагичен: он представляет собой соперничество различных правд, каждая из которых одинаково справедлива в своей основе* (Литературная газета, 1995, № 38). Форма *правды* понимается сумма

нескольких одинаково полных по объёму понятий, как несколько одновременных манифестаций одной и той же абстрактной сущности.

б) *Восток гораздо больше верит в божью милость, чем в работу. Запад верит в работу больше, чем в милосердие божье. Вот она, разница менталитетов!* (Комсомольская правда, 30.08.2006). Слово *менталитет* имеет значение «совокупность мировоззренческих... представлений, характерных для отдельной личности и народа в целом» [*Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика*. М., 2007]. Называя собирательную «совокупность представлений», это слово образует форму множественного числа, обозначая 'различные мировоззренческие представления, характерные для X (народа Востока) и для Y (народа Запада)'.
Квантитативной конкретизации подвергаются существительные всех лексико-грамматических разрядов, но магистральным направлением этого процесса является конкретизация абстрактных существительных.

Квантитативная конкретизация абстрактных существительных обычно происходит в определённых типах контекстов. Нами выделено и описано восемь таких типов; некоторые из них действуют также при конкретизации вещественных и собирательных понятий.

Перечислим эти контексты: 1) контексты с однородными членами, в состав которых входят формы абстр. сущ. мн. числа, ср.: *Необходимо встряхнуться после всех храмов, монастырей, ущелий, долин, пенных струй, наставлений, высокопарных банальностей, плоских сентенций* (Ю. Нагибин. Трое и одна и ещё один); 2) контексты с предварительным упоминанием понятия, выраженного затем формой абстр. сущ. мн. числа, ср.: *Его хотели сгубить в прямом смысле и ещё в каких-то смыслах иных* (В. Ходасевич. Андрей Белый); 3) контексты с последующим пояснением содержания абстр. сущ. мн. числа, ср.: *Работал он прежде на странных работах: например, учителем пения в детдоме или эвакуатором в городе Феодосии* (М. Рощин. Шура и Просвирняк); 4) контексты с количественными числительными и счетными существительными в сочетании с формой абстр. сущ. мн. числа, ср.: *Шесть госпитализаций за девять лет – это много* (Комсомольская правда, 4.09.1998); 5) контексты с количественными местоимениями и наречиями в сочетании с формой абстр. сущ. мн. числа, ср.: *Много небывальщин ходило в Астрахани о старой и новой столицах* (Ю. Нагибин. Беглец); 6) контексты с количественно-уподобительными существительными в сочетании с формой абстр. сущ. мн. числа, ср.: *Политическая система России представляет собой кипящее море эгоизмов различных деятелей и группировок* (Россия, 4–10.05.1994); 7) контексты с косвенным указанием на множественность понятий, выраженных формой абстр. сущ. мн. числа, ср.: *Между физиологиями европейцев и азиатов есть существенная разница* (Комсомольская правда, 20.03.1998); 8) контексты с указанием на отсутствие понятия, выраженного формой абстр. сущ. мн. числа, ср.: *Поедем к нему и заберём твои вещи, чтобы не оставалось никаких двусмысленностей* (Л. Улицкая. Орловы-Соколовы). [См. подробнее: *Калинина Л. В. Способы квантификации абстрактных*

существительных в русском языке // Международный симпозиум по дейктическим системам и квантификации в языках Европы и Северной и Центральной Азии. Сб. статей. Ижевск–Лейпциг, 2003. С. 233–239; *Калинина Л. В.* Квантификация абстрактных существительных в русском языке // Категории в исследовании, описании и преподавании языка. Сб. науч. трудов к 80-летию Е. С. Скобликовой. Самара, 2004. С. 123–127].

При конкретизации как абстрактных, так и вещественных и собирательных существительных чаще проявляется дискретная квантификация, чем унитарная, так как именно при дискретной квантификации конкретизация осуществляется наиболее полно (как перекатегоризация) и значит, полностью бывает достигнута цель говорящего – представить неисчисляемую сущность как отдельную единицу (единицы). При унитарной квантификации, как правило, наблюдается поликатегоризация, то есть в контексте говорится о множестве манифестаций неисчисляемого понятия, но не о «превращении» его в конкретный объект; при этом к исходному значению слова лишь добавляется оттенок конкретности. В любом случае конкретизация способствует осмыслению неисчисляемой сущности как самостоятельной отдельной единицы и отвечает потребностям говорящего в более определённом представлении действительности.

Конкретизация вещественных существительных реализуется как с помощью перекатегоризации $B \rightarrow K$ (имеющей своё крайнее проявление при образовании сингулятивов), так и поликатегоризации $B + k$.

При *перекатегоризации* название вещества переносится (благодаря метонимии) на название конкретного, отдельного, имеющие индивидуальные признаки и/или границы предмета. Ср.: *Кто меня свинцом огрел, те будут в постелях, а кто не трогал, тех на нары. Нет уж!* (А. Курчаткин. Веснянка).

С чисто когнитивной точки зрения перекатегоризация ($B \rightarrow K$) наблюдается также при образовании от вещественных существительных так называемых сингулятивов, ср.: *виноградина, градина, жемчужина, земляничина, изюминка, травинка, шерстинка* и др. Сингулятив выделяет из всей массы вещества какую-то отдельную единицу, которая и является объектом особого внимания говорящего, является объектом речи. Ср.: *Анна кладёт передо мной три картофелины – популярную еду тех времён* (Ф. Кривин. Я угнал машину времени).

К случаям *поликатегоризации* мы относим такие типы контекстов, в которых вещественное существительное испытывает квантитативную конкретизацию с помощью слов, указывающих на объём или меру вещества. Это самые разнообразные мезуративы и иные количественные определители, ср.: *банка, бочка, бутылка, буханка, вагон, глоток, горсть, грамм, каравай, килограмм, капля, клуб, ком, коробка, корытце, крутинка, кусок, куча, лист, литр, ложка, лопата, лужица, облако, осколок, охалка, партия, пачка, плитка, полгрузовика, полстакана, полпачки, пузырьёк, рюмка, слой, стакан, струя, сумка, тачка, тонна, фляга, фунт, ящик* и мн. др. Все эти слова сочетаются с вещественными существительными в форме родительного

падежа единственного числа (с родительным партитивным). При этом создаётся такое обозначение, при котором вещество остаётся самим собой, сохраняет свою природу, но оказывается ограниченным некими внешними по отношению к нему пределами, рамками. Эти внешние пределы и придают аморфной субстанции конкретную форму, не изменяя её «вещественной» сути. Так осуществляется поликатегоризация $V+k$: вещественное с оттенком конкретного. Ср., напр.: *Им каждый день дают по плитке шоколада* (Г. Кемоклидзе. Война ещё не кончилась); *В янтарном бульоне плавали куски осетрины* (И. Овчинников. Вообще никак).

Особенностью *конкретизации собирательных существительных* является тот факт, что поликатегоризация среди них существенно преобладает над перекатегоризацией. Преобладание поликатегоризации во многом объясняется тем, что собирательные существительные не всегда можно чётко отграничить от существительных других разрядов: абстрактных (*студенчество, цыганщина, профессура*), вещественных (*тростник, изюм, жемчуг*), конкретных (*клавиатура, пьянь, шпана*). В таких случаях определить лексико-грамматическую принадлежность слова помогает контекст.

Поликатегоризация по обычной модели $C+k$ (собирательное с оттенком конкретного) возникает в том случае, когда собирательное существительное употребляется во множественном числе и, под влиянием унитарной квантификации, обозначает несколько целых совокупностей, одинаковых по качеству, но выступающих во множестве репрезентаций. Ср., напр.: *Вы упомянули американские и китайские элиты. Так там тоже усиливаются кланово-корпоративные связи?* (Литературная газета, 2008, № 10).

Однако чаще поликатегоризация наблюдается в тех случаях, когда в тексте используются слова, способные выступать и в собирательном, и в конкретном значении, сочетающие в себе категории собирательности и конкретности по модели $C+K$: *богема, быдло, живность, контра, отребье, начальство, нежить, падаль, прислуга, пьянь, родня, сволочь, скотина, транспорт, чтиво, шпана* и др. Определённый смысл становится ясным только из контекста. Ср. пример актуализации в контексте конкретного значения: *Прислуга, очень красивая девушка, в чепчике, со столичной дрессировкой, внесла фрукты и вино* (М. Осоргин. Смерть джентльмена).

Перекатегоризация, когда собственно собирательное понятие подводится под категорию конкретности и приравнивается к конкретному предмету ($C \rightarrow K$), встречается реже. Обратим внимание на тот факт, что такая перекатегоризация нередко поддерживается синтаксическими средствами, когда подлежащее выражено конкретным именем, а сказуемое – собирательным, и между ними устанавливаются отношения референции. Ср.: *Ты у нас будешь пролетарская детвора* (В. Пьецух. Предсказание будущего); *Как я была гнусным тупым фанатём* (Моя семья, 2007, № 47); *Он – элита авиации* (Литературная газета, 2007, № 35).

Исключительно с когнитивных позиций к случаям перекатегоризации по модели $C \rightarrow K$ можно отнести и образование сингулятивов от собирательных существительных. Перекатегоризация в этом случае совершается настолько полно, что возникающее новое существительное относится уже и с семантической, и с грамматической точки зрения к категории конкретных имён. Ср.: *На газовых конфорках горячились чайники, кастрюли рассерженно подбрасывали крышки, сковородки плевались раскалённым жиром. Соседи бдительно дежурили каждый у своей посуды* (А. Гладилин. История одной компании).

В некоторых примерах (в нашем материале их около 30) встречаются случаи максимально подробной детализации, даже дискретизации конкретного понятия, то есть обнаружения в конкретном объекте множества составляющих или выявления в конкретном понятии множества оттенков смысла. В таких случаях, которые можно назвать *вторичной конкретизацией конкретных существительных*, наблюдается «интенсификация» исходного конкретного значения. При этом конкретное понятие (человек или предмет) выступает как своеобразная «матрёшка», скрывающая за одним конкретным проявлением другое. Ср.: *У Петровича я снимаю угол, в котором несколько углов: угол, где я, угол, где краски, угол, где чайник, угол, где шкаф, а сейчас и Петрович* (Ю. Коваль. Чайник).

К периферийным направлениям субстантивных пересечений относятся *материализация, коллективизация и абстрактизация*.

Глава V «Общая характеристика периферийных случаев лексикограмматических пересечений» посвящена анализу тех случаев лексикограмматических пересечений, которые встречаются реже, чем конкретизация.

Под *материализацией* (от лат. *mātēria* – материя, вещество, материал) нами понимается *когнитивный процесс подведения конкретных, абстрактных или собирательных объектов/имён под категорию вещественности*. Поэтому процесс материализации охватывает те случаи, когда не-вещественные понятия осознаются говорящим как своеобразное однородное «вещество», из которого что-то состоит и которое можно измерять, но не считать.

Средствами контекста, указывающими на материализацию, являются: сочетание не-вещественных существительных с такими количественными определителями и мезуративами, которые обычно используются в языке для обозначения меры вещества (*ведро, килограмм, горсть, доза, порция* и др.); употребление не-вещественных существительных в конструкции типа «что состоит (сделано) из чего» (*он весь соткан из противоречий, жизнь состоит из надежд, крыша из листьев, кровать из дуба*); сочетание не-вещественных существительных со словами, уподобляющими называемый объект жидкому, твёрдому или газообразному веществу (*волна нежности, кусок жизни, выхлопы ненависти*) и др. В этих случаях, как правило, представлена перекатегоризация. Поликатегоризация отмечается чаще всего при взаимодействии категории вещественности с категорией собирательности в рамках лексем типа *макулатура, еда, мусор* и под.

Вторичной материализации могут подвергаться и сами вещественные имена, так как денотативная сфера «вещество» имеет очень сложную организацию и в основном представлена в языке категориями нижестоящего уровня. При вторичной материализации эта сложность становится очевидной. К примерам вторичной материализации мы относим случаи обозначения сортов или видов вещества (*красные вина, жирные кислоты, французские сыры*), а также контексты типа *Туман состоит из воздуха и воды*.

Коллективизация (от лат. *collectivus* – заключительный, скопившийся, собирательный) – это *подведение конкретных, абстрактных и вещественных имён под категорию собирательности*. При этом существительные разных разрядов осмысливаются как обозначения целого класса однородных предметов.

Коллективизация конкретных существительных является регулярным процессом и реализуется тогда, когда конкретное существительное употребляется в обобщённо-собирательном значении (*в озере водится рыба, студенту надо уважать, зритель ждёт премьеры*). Также мы наблюдаем коллективизацию при метонимическом переносе названия с помещения или территории на находящихся там людей (*аудитория внимательно слушала, зал смеялся, деревня копала картошку*). Такие примеры можно отнести к перекатегоризации. Поликатегоризация как сочетание основной семы конкретности и дополнительной семы собирательности отмечается в словах типа *толпа, народ, команда*.

Коллективизацией абстрактных имён можно считать те случаи, когда у существительного сложной собирательно-отвлечённой семантики в контексте преобладают семы собирательности: *студенчество борется за свободу* (ср.: *славные годы студенчества*), *профессура нашего вуза* (ср.: *получить профессуру*), *цвет русской дипломатии* (ср.: *проявить дипломатию*).

Вещественные имена взаимодействуют с категорией собирательности в сфере существительных типа *металлолом, снедь, зелень*, которые мы рассматриваем как случаи материализации (то есть осложнения преобладающего собирательного значения оттенком вещественного); за пределами таких существительных изначально сложной семантики коллективизация вещественных имён, судя по нашим данным, не наблюдается. Причина этого, по-видимому, в том, что большинство вещественных существительных называют категории нижестоящего уровня, а собирательные имена представляют собой исключительно категории вышестоящего уровня. В виду такого несоответствия таксономического устройства вещество обычно не может быть осознано как совокупное множество.

Термин **абстрактизация** (от лат. *abstractus* – отвлечённый) в рамках нашего исследования обозначает такое взаимодействие лексико-грамматических значений, при котором исходная семантика существительного (конкретная, вещественная или собирательная)

переосмысливается как абстрактная (перекатегоризация) или обогащается абстрактными семами (поликатегоризация).

По нашим наблюдениям, абстрактизация в наибольшей степени затрагивает конкретные и вещественные существительные и обычно проявляется в виде символизации конкретных и вещественных понятий: *алтарь* как 'символ всего святого для человека', *чёрный понедельник* как 'крах, кризис', *Голгофа* как 'страдания', *кровь* как 'кровопролитие', *соль* как 'самое главное', *грязь* как 'ситуация стыда и унижения'.

Собирательные существительные практически не подвергаются абстрактизации, очевидно, в силу и без того значительной обобщённости своего значения. Отметим лишь существительные типа *начальство*, *рыцарство*, *цензура* и под. (совмещающие в своей семантике семы абстрактности и собирательности) в тех случаях их употребления, когда на первый план выходит абстрактное значение: *он проявил настоящее рыцарство* (ср. *рыцарство было богатым сословием*), *работать под начальством Иванова* (ср. *начальство собралось на совещание*), *подвергаться жёсткой цензуре* (ср. *цензура не разрешала ему печататься*).

В **Заключении** подводятся итоги работы. Обобщением случаев лексико-грамматических пересечений конкретных, абстрактных, вещественных и собирательных существительных является представление их в виде **24 моделей**, сведённых в таблицу. См. таблицу.

**Модели лексико-грамматических пересечений
конкретных, абстрактных, вещественных и собирательных существительных**

Модели перекатегоризации		
Модель	Примеры	Комментарий
A → K	<i>Наша знаменитость, неделя ухаживаний, говорить глупости</i>	Название абстрактного качества (действия, состояния, процесса) метонимически переносится на конкретное проявление этого качества или на его носителя.
B → K	<i>Снега Арктики, есть на хрустальных;</i> <i>Песчинка, горошина</i>	Название вещества метонимически переносится на пространство, покрытое веществом или на изделие из вещества; сингулятивы представляют собой крайний случай перекатегоризации, когда подведение понятия под другую категорию закрепляется грамматически.
C → K	<i>Он – элита авиации;</i> <i>ты – пролетарская детвора;</i> <i>Штакетина, арматурина</i>	Название совокупности применяется к отдельному её представителю; сингулятивы представляют собой крайний случай перекатегоризации, когда подведение понятия под другую категорию закрепляется грамматически.
K₁ → K₂	<i>Снимаю угол, в котором несколько углов;</i> <i>Вещи отца (вещи₁ – одежда, вещи₂ – произведения)</i>	В конкретном объекте обнаруживается ещё несколько конкретных составляющих или же слово имеет несколько конкретных значений, поочередно актуализирующихся в контексте.

<i>A→B</i>	<i>Жизнь состоит из надежд, кубометры бреда, волна нежности, доза счастья</i>	Название абстрактного понятия метафорически используется в сочетании со словами, обычно употребляющимися в языке для создания представления о веществе.
<i>K→B</i>	<i>Дуб бочки, дом из кирпичика; Есть черешню</i>	Название конкретного объекта метонимически переносится на материал или (для названий растений) на множество мелких плодов.
<i>K→C</i>	<i>В озере водится окунь, зритель ждёт премьеры; Улица не расходилась до вечера</i>	Название конкретного объекта метонимически переносится на целый класс таких объектов; название помещения или пространства метонимически переносится на находящиеся там люди.
<i>K→A</i>	<i>Предать свои алтари, рука мастера, открытие нового Ретина</i>	Название конкретного объекта выступает как символ отвлечённого понятия.
<i>B→A</i>	<i>Соль [=главное], кровь [=кровопролитие], грязь [=стыдное, унижительное]</i>	Название вещества выступает как символ отвлечённого понятия.
Модели поликатегоризации		
Модели	Примеры	Комментарий
<i>A+k</i>	<i>Любить двумя любящими, сотня жизней; Поединок великодуший</i>	В контексте говорится о нескольких одинаково полных по качеству реализациях абстрактного понятия; возможно использование абстрактного имени в метафорическом контексте.
<i>B+k</i>	<i>Плитка шоколада, горсть чернослива, пачка масла</i>	Вещество ограничивается и оформляется заданными ему внешними рамками.
<i>C+k</i>	<i>Местные элиты, оставил по капиталу, средства бюджетов</i>	В контексте говорится о нескольких одинаково полных по качеству самостоятельных совокупностях.
<i>(A+C)+k</i>	<i>Распродажи, экономики, стратегии</i>	Существительное сложной абстрактно-собирательной семантики конкретизируется за счёт использования во множественном числе.
<i>(C+B)+k</i>	<i>Хвои, мозаики, топлива</i>	Существительное сложной собирательно-вещественной семантики конкретизируется за счёт использования во множественном числе.
<i>(C+K)→K</i>	<i>Одна прислуга, Гитлер сволочь; заткнись, быдло</i>	Существительное сложной собирательно-конкретной семантики используется в контексте в конкретном значении.
<i>A+v</i>	<i>Много скуки, большие радости, четверть правды</i>	Название абстрактного понятия используется в сочетании со словами, обычно употребляющимися в языке для обозначения меры или величины.
<i>K+v</i>	<i>14 тонн собак, 2 тонны роз; В саду множество табаку; букет гвоздики</i>	Название конкретного объекта используется в сочетании со словами, обычно употребляющимися в языке для измерения вещества; конкретные существительные в количественно-именном обороте выступают в форме Р. ед.

$C+\sigma$	<i>Снедь, закусъ, мусор, металлолом, макулатура</i>	Существительные изначально сложной собирательно-вещественной семантики.
$B=\sigma_1+\sigma_2\dots+\sigma_n$	<i>Сыры, кислоты; Туман состоит из воды и воздуха</i>	Вещество в целом складывается из различных сортов или видов; одно вещество состоит из других веществ.
$K+c$	<i>Толпа, команда, экипаж</i>	Существительные изначально сложной конкретно-собирательной семантики.
$(C+K)\rightarrow C$	<i>Многочисленная прислуга, вся эта сволочь, стада быдла</i>	Существительное сложной собирательно-конкретной семантики используется в контексте в собирательном значении.
$(A+C)\rightarrow C$	<i>Учительство обсуждает реформы, в магазине продают старину, юность не понимает стариков</i>	Существительное сложной абстрактно-собирательной семантики используется в контексте в собирательном значении.
$(A+C)\rightarrow A$	<i>Вспоминать годы учительства, старина здания, вступить в пору юности</i>	Существительное сложной абстрактно-собирательной семантики используется в контексте в абстрактном значении.
$(B\rightarrow K)+a$	<i>Изюминка сезона</i>	Конкретное существительное (сянгулятив), образованное от вещественного имени, используется в переносном значении.

Данная таблица демонстрирует тот факт, что поликатегоризация представлена большим числом моделей (15 моделей), тогда как перекатегоризация представлена 9-ю направлениями в рамках лексико-грамматических пересечений рассмотренных именных форм. (Однако перекатегоризация преобладает над поликатегоризацией в количественном отношении: 5127 (65%) и 2883 (35%) соответственно; см. раздел 3.4. реферируемой работы).

Таблица обнаруживает также и то, что в результате лексико-грамматических пересечений у существительных чаще всего возникают конкретные и вещественные оттенки значения, чем собирательные или абстрактные. В таблице отражены 10 моделей конкретизации ($A\rightarrow K$; $B\rightarrow K$; $C\rightarrow K$; $K_1\rightarrow K_2$; $A+k$; $B+k$; $C+k$; $(C+K)\rightarrow K$; $(A+C)+k$; $(C+B)+k$) и 6 моделей материализации ($A\rightarrow B$; $K\rightarrow B$; $A+\sigma$; $K+\sigma$; $C+\sigma$; $B=\sigma_1+\sigma_2\dots+\sigma_n$), тогда как коллективизация имеет 4 модели ($K\rightarrow C$; $K+c$; $(C+K)\rightarrow C$; $(A+C)\rightarrow C$) и абстрактивизация – тоже 4 модели ($K\rightarrow A$; $B\rightarrow A$; $(A+C)\rightarrow A$; $(B\rightarrow K)+a$). Очевидно, эта тенденция не случайна и обусловлена тем, что человек предпочитает конкретное и овеществлённое отражение действительности обобщённому и абстрактному её представлению.

Таким образом, можно утверждать, что в современном русском языке процессы взаимодействия конкретных, абстрактных, вещественных и собирательных имён осуществляются активно и являются весьма разнообразными. Это один из факторов, обеспечивающих человеку возможность наиболее точного выражения его мыслей и представлений об устройстве мира и вычленении в нём того, что важно и полезно ему для обеспечения его жизнедеятельности.

Основные положения диссертационного исследования нашли отражение в следующих публикациях:

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК РФ для публикации результатов диссертационного исследования:

1. *Калинина, Л. В.* К вопросу о критериях выделения и отличительных приметах лексико-грамматических разрядов имён существительных [Текст] / Л. В. Калинина // Вопросы языкознания, 2007. – № 3. – С. 55–70.

2. *Калинина, Л. В.* О формах множественного числа абстрактных, вещественных и собирательных существительных [Текст] / Л. В. Калинина // Русская словесность, 2007. – № 2. – С. 42–46.

3. *Калинина, Л. В.* Особенности семантики и функционирования существительных типа *изюм* в русском языке [Текст] / Л. В. Калинина // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – Киров, 2008. – № 3(1). – С. 95–98.

4. *Калинина, Л. В.* Семантика и функционирование в современной речи номинативных единиц *звезда, элита, средний класс* [Текст] / Л. В. Калинина // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – Киров, 2008. – № 3(2). – С. 68–72.

5. *Калинина, Л. В.* Существительные конкретные, абстрактные, вещественные, собирательные: трудности лексико-грамматической характеристики [Текст] / Л. В. Калинина // Русский язык в школе, 2008. – № 9. – С. 38–43.

6. *Калинина, Л. В.* Картина мира Юрия Коваля [Текст] / Л. В. Калинина // Русская словесность, 2009. – № 1. – С. 70–73.

7. *Калинина, Л. В.* Лексико-грамматический потенциал имён существительных с суффиксом *-ств(о)* [Текст] / Л. В. Калинина // Вестник Нижегородского государственного университета. – Нижний Новгород, 2009. – № 1. – С. 249–254.

Монография:

8. *Калинина, Л. В.* Лексико-грамматические разряды имён существительных как пересекающиеся классы слов (когнитивно-семасиологический анализ) [Текст]: Монография / Л. В. Калинина. – Киров, 2009. (14,0 п. л.).

Учебно-методические работы:

9. *Калинина, Л. В.* Категория числа и категория количества: общее и различное [Текст]: Пособие по спецкурсу для студентов филологического факультета / Л. В. Калинина. – Киров, 2006. – 68 с.

10. *Калинина, Л. В.* Переходные случаи в распределении существительных по лексико-грамматическим разрядам [Текст]: Методические рекомендации для студентов факультета русского языка и литературы / Л. В. Калинина. – Киров, 2000. – 20 с.

11. *Калинина, Л. В.* Категория числа имен существительных [Текст]: Методические рекомендации для студентов филологического факультета / Л. В. Калинина. – Киров, 2001. – 22 с.

Другие публикации:

12. *Калинина, Л. В.* Лексико-грамматические разряды существительных как пересекающиеся классы слов [Текст] / Л. В. Калинина // Актуальные проблемы современной русистики: М-лы Всерос. науч.-практ. конф. Памяти В. И. Чернова. – В 2 ч. Ч.1. – Киров, 2000. – С. 106–107.

13. *Калинина, Л. В.* Абстрактное и конкретное в языке и речи [Текст] / Л. В. Калинина // Семантика. Функционирование. Текст: Межвуз. сб. науч. трудов. – Киров, 2001. – С. 28–31.

14. *Калинина, Л. В.* О влиянии процесса метонимии на возможность сочетания существительных *singularia tantum* с количественными определителями [Текст] / Л. В. Калинина // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект: М-лы междунар. конф. – Владимир, 2001. – С. 77–79.

15. *Калинина, Л. В.* Способы квантификации абстрактных существительных [Текст] / Л. В. Калинина // Международный симпозиум по дейктическим системам и квантификации в языках Европы и Северной и Центральной Азии: Тезисы. – Ижевск, 2001. – С. 99–101.

16. *Калинина, Л. В.* К проблеме жанрово-стилевой обусловленности форм абстрактных существительных множественного числа [Текст] / Л. В. Калинина // Научный вестник Кировского филиала Московского гуманитарно-экономического института. – № 9. – Т.2. – Киров, 2001. – С. 7–10.

17. *Калинина, Л. В.* О разной лексико-грамматической принадлежности лексико-семантических вариантов существительного [Текст] / Л. В. Калинина // Теория языкознания и русистика: наследие Б. Н. Головина: Сб. статей по м-лам междунар. науч. конф., посв. 85-летию проф. Б.Н. Головина. – Н. Новгород, 2001. – С. 140–143.

18. *Калинина, Л. В.* О критериях выделения лексико-грамматических разрядов имен существительных [Текст] / Л. В. Калинина // Семантика. Функционирование. Текст: Межвуз. сб. науч. трудов. – Киров, 2002. – С. 22–31.

19. *Калинина, Л. В.* К вопросу о семантической иерархии между лексико-грамматическими разрядами существительных [Текст] / Л. В. Калинина // Человек. Язык. Искусство: (Памяти проф. Н. В. Черемисиной): М-лы междунар. науч.-практ. конф. – М.: МПГУ, 2002. – С. 155–157.

20. *Калинина, Л. В.* «Мешок визга», или Метафора как средство квантификации анумеральных существительных [Текст] / Л. В. Калинина // Актуальные проблемы современной филологии. Языкознание: Сб. статей по м-лам Всерос. науч.-практ. конф. – Ч. 1. – Киров, 2003. – С. 19–25.

21. *Калинина, Л. В.* Проблемы и перспективы изучения лексико-грамматических разрядов существительных [Текст] / Л. В. Калинина // Жизнь провинции как феномен русской духовности. – Нижний Новгород, 2003. – С. 109–112.

22. *Калинина, Л. В.* Способы квантификации абстрактных существительных в русском языке [Текст] / Л. В. Калинина // Международный симпозиум по действительным системам и квантификации в языках Европы и Северной и Центральной Азии: Сб. статей / под ред. Пиркко Суйхконен и Бернарда Комри при содействии С. А. Максимова. – Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия – Институт эволюционной антропологии им. Макса Планка, кафедра языкознания, Лейпциг, Германия. – 2003. – С. 233–239.

23. *Калинина, Л. В.* Абстрактные существительные со значением политических понятий в языке современной прессы [Текст] / Л. В. Калинина // Актуальные проблемы гуманитарных и экономических наук: М-лы Всерос. науч.-практ. конф. – Киров, 2004. – С. 177–178.

24. *Калинина, Л. В.* В защиту Ужа, или О приоритете конкретного перед абстрактным [Текст] / Л. В. Калинина // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Научно-методический журнал. – Киров, 2004. – № 10. – С. 41–43.

25. *Калинина, Л. В.* Квантификация абстрактных существительных в русском языке [Текст] / Л. В. Калинина // Категории в исследовании, описании и преподавании языка: Сб. науч. трудов к 80-летию Е. С. Скобликовой. – Самара, 2004. – С. 123–127.

26. *Калинина, Л. В.* Лексико-грамматические разряды существительных как средство прагматической характеристики действительности [Текст] / Л. В. Калинина // Русский язык и славистика в наши дни: М-лы междунар. науч. конф., посв. 85-летию со дня рождения Н. А. Кондрашова. – Москва, 2004. – С. 65–71.

27. *Калинина, Л. В.* К вопросу о квантификации анумеральных существительных [Текст] / Л. В. Калинина // Семантика. Функционирование. Текст: Межвуз. сб. науч. трудов. – Киров, 2004. – С. 93–98.

28. *Калинина, Л. В.* О некоторых особенностях конкретизации имён существительных в произведениях М. А. Осоргина [Текст] / Л. В. Калинина // Актуальные проблемы гуманитарных и экономических наук: М-лы Всерос. науч.-практ. конф.: В 2 т. – Т.2. – Киров, 2005. – С. 194–198.

29. *Калинина, Л. В.* Особенности семантики и функционирования имён существительных в повести А. Грина «Алые паруса» [Текст] / Л. В. Калинина // Актуальные проблемы современной филологии. К юбилею Александра Грина. Языкознание: Сб. статей по м-лам Междунар. науч. конф. – Киров, 2005. – С. 36–42.

30. *Калинина, Л. В.* От единства к единице [Текст] / Л. В. Калинина // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Научно-методический журнал. – Киров, 2005. – № 12. – С. 77–82.

31. *Калинина, Л. В.* Когнитивный взгляд на вещественные и собирательные существительные [Текст] / Л. В. Калинина // *Этнокультурные константы в русской языковой картине мира: генезис и функционирование: М-лы междунар. конф.* – Белгород, 2005. – С. 83–86.

32. *Калинина, Л. В.* От синкретизма к дискретности: (На материале лексико-грамматических разрядов имён существительных) [Текст] / Л. В. Калинина // *Реальность, язык и сознание: Междунар. межвуз. сб. науч. трудов.* – Тамбов, 2005. – С. 503–509.

33. *Калинина, Л. В.* О возможности конкретизации вещественных и собирательных существительных [Текст] / Л. В. Калинина // *Жизнь провинции как феномен духовности: Междунар. науч. конф.* – Нижний Новгород, 2006. – С. 259–263.

34. *Калинина, Л. В.* Абстрактные существительные: синтаксические позиции [Текст] / Л. В. Калинина // *Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры: (Лингвистический и лингвометодический аспекты): Междунар. науч.-практ. конф. 17–19 марта 2006 г.* – Москва–Кострома, 2006. – С. 69–73.

35. *Калинина, Л. В.* Конкретные существительные на семантических перекрёстках [Текст] / Л. В. Калинина // *Научное наследие Б. Н. Головина и актуальные проблемы современной лингвистики: Сб. статей по м-лам междунар. науч. конф., посв. 90-летию проф. Б. Н. Головина.* – Нижний Новгород, 2006. – С. 184–186.

36. *Калинина, Л. В.* К вопросу о синтаксическом употреблении вещественных и собирательных существительных [Текст] / Л. В. Калинина // *Семантика. Функционирование. Текст: Межвуз. сб. науч. трудов.* – Киров, 2006. – С. 169–186.

37. *Калинина, Л. В.* Межличностная коммуникация: антипатия: (На материале абстрактных существительных множественного числа) [Текст] / Л. В. Калинина // *Актуальные проблемы лингвистики XXI века: Сб. статей по м-лам междунар. науч. конф.* – Киров, 2006. – С. 98–101.

38. *Калинина, Л. В.* Вещественные существительные в поэзии О. Мандельштама: (На материале стихотворений 1906–1920 годов) [Текст] / Л. В. Калинина // *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Научный журнал.* – Киров, 2006. – № 15. – С. 70–75.

39. *Калинина, Л. В.* Образ современного человека в языке произведений А. Славянского: (На материале сборника рассказов «Мы») [Текст] / Л. В. Калинина // *Русский человек на изломе эпох в отечественной литературе: Сб. статей по м-лам Междунар. литературно-образовательного форума.* – Киров, 2007. – С. 176–181.

40. *Калинина, Л. В.* Кубометры бреда: о нестандартной сочетаемости абстрактных существительных [Текст] / Л. В. Калинина // *Грамматические категории и единицы: Синтагматический аспект. К 100-летию профессора Анатолия Михайловича Иорданского: М-лы 7 междунар. конф.* – Владимир, 2007. – С. 118–121.

41. Калинина, Л. В. Семантика и функционирование существительных «человек», «человечество», «человечина» и «человечность» в современном русском языке [Текст] / Л. В. Калинина // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Научный журнал. – Киров, 2007. – № 2 (17). – С. 81–86.

42. Калинина, Л. В. Реально и конкретно: об отражении в речи одной особенности современного мировосприятия [Текст] / Л. В. Калинина // Активные процессы в современной лексике и фразеологии: М-лы междунар. конф. 8–9 июня 2007 года. М.: МПГУ, 2007. – С. 87–90.

43. Калинина, Л. В. О щетине и скотине [Текст] / Л. В. Калинина // Семантика. Функционирование. Текст: Междунар. межвуз. сб. науч. трудов. – Киров, 2007. – С. 96–104.

44. Калинина, Л. В. К вопросу о значении и употреблении слова *проект* в современной речи [Текст] / Л. В. Калинина // Русская словесность в контексте мировой культуры: М-лы Междунар. науч. конф. РОПРЯЛ. – Нижний Новгород, 2007. – С. 172–175.

45. Калинина, Л. В. Об одном аспекте лексикографического описания имён существительных [Текст] / Л. В. Калинина // Русский язык в контексте национальной культуры: М-лы Всерос. науч. конф., Саранск, 24–26 мая 2007. – Саранск, 2008. – С. 110–115.

46. Калинина, Л. В. Об одной особенности употребления имён существительных в произведениях Ю. Коваля [Текст] / Л. В. Калинина // Семантика и функционирование языковых единиц в разных типах речи: Сб. науч. статей. – Ярославль, 2008. – С. 119–125.

47. Калинина, Л. В. Приёмы использования фразеологических единиц в произведениях Ю. Коваля [Текст] / Л. В. Калинина // Фразеология и когнитивистика: М-лы 1-й междунар. конф. – В 2 т. Т. 2. – Идиоматика и когнитивная лингвокультурология. – Белгород, 2008. – С. 81–84.

48. Калинина, Л. В. Лексико-грамматическая переходность имён существительных и проблемы категоризации [Текст] / Л. В. Калинина // Языковая семантика и образ мира: м-лы Междунар. науч. конф. – В 2 ч. Ч. 2. – Казань, 2008. – С. 81–83.

49. Калинина, Л. В. Квантификация аномальных существительных как активный процесс современного русского языка [Текст] / Л. В. Калинина // Активные процессы в современной грамматике: М-лы междунар. науч. конф. 19–20 июня 2008 года. – Москва, 2008. – С. 84–88.

50. Калинина, Л. В. Лексико-грамматическая переходность имён существительных как средство языковой игры [Текст] / Л. В. Калинина // Семантика. Функционирование. Текст: Межвуз. сб. науч. трудов с международным участием. – Киров, 2008. – С. 152–157.

51. Калинина, Л. В. Человек в эпоху глобализации: отражение в языке [Текст] / Л. В. Калинина // Лингвистика и её место в междисциплинарном научном пространстве: Сб. статей по м-лам Всерос. науч. конф. с международным участием. – Киров, 2008. С. 91–96.

Для заметок

Подписано в печать 13.04.2009 г.

Формат 64×80/16.

Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 2,8.

Тираж 100 экз.

Заказ № 1150.

Издательский центр Вятского государственного гуманитарного
университета, 610002, г. Киров, ул. Ленина, 111, т. (8332) 673674

10-